

П.О. Россаякин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием

Статья посвящена условиям лицензирования и семантике отрицательных местоимений (*никто*, *ничего* и т.д.) в русском языке. Я привожу аргументы в пользу того, что они лицензируются над отрицанием, связанные с порядком составляющих, ограничениями передвижений и сферой действия. Таким образом, *ни*-местоимения интерпретируются над отрицанием и должны быть неотрицательными универсальными кванторами, в пользу чего есть независимые свидетельства, частично обсуждаемые в этой статье. Лицензирование над отрицанием может быть формализовано с помощью стандартной операции Agree без дополнительных допущений: неинтерпретируемый признак *ни*-местоимения согласуется с интерпретируемым признаком отрицания в *s*-командуемой области. Я предполагаю, что предлагаемая теория распространяется на другие языки со строгим отрицательным согласованием.

Ключевые слова: отрицательное согласование, NCI, отрицательные местоимения, единицы с отрицательной полярностью, NPI, отрицание, согласование, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания к первой версии этой статьи.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Россаякин П.О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 69–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118

P. Rosseyaykin

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Russian negative pronouns are licensed above negation

In this paper I discuss the licensing conditions and semantics of negative pronouns (*nikto*, *ničego*, etc.) in Russian. On the basis of constituent order, movement constraints and scope, I argue that they are licensed above negation. By virtue of this *ni*-pronouns outscope negation and should be non-negative universal quantifiers for which there is independent evidence, partially discussed in this paper. Licensing above negation can be formalized using standard Agree without further stipulations: an uninterpretable feature of *ni*-pronouns agrees with a c-commanded interpretable feature of negation. I suppose that the present theory applies to other languages with strict negative concord.

Key words: negative concord, NCI, negative pronouns, negative polarity items, NPI, negation, agreement, Russian

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of the Lomonosov Moscow State University “Preservation of the world cultural and historical heritage.”

Thanks to the anonymous reviewers for their valuable comments on the first version of this article.

FOR CITATION: Rosseyaykin P. Russian negative pronouns are licensed above negation. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 69–118. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118

1. Введение

В русском языке, а также в других славянских и некоторых неродственных им и друг другу языках¹, наблюдается явление, называемое

¹ Например, венгерском и японском [Watanabe, 2004, p. 595; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 14], более спорно – румынском, греческом и иврите, см. раздел 2.2.

строгим отрицательным согласованием/конкордом (далее – строгий NC или просто NC). Определенные слова или составляющие, называемые единицами с отрицательным согласованием/конкордом (negative concord items, также n-words [Laka, 1990], далее – NCI), грамматичны, только если в клаузе присутствует сентенциальное отрицание². Во многих языках с NC, включая русский, отрицание также идентифицируется в составе самих NCI. Таким образом, оно маркируется в нескольких местах в одном предложении, но интерпретируется однократно (1), (2).

(1) Никто не пришел.

(2) Никто ничего не сделал.

Существуют, однако, и контексты, в которых NCI обходятся без выраженного лицензора и, как можно предположить, сами привносят отрицание в семантику. Это фрагментарные ответы и другие эллиптические контексты (3)–(5).

(3) Кто пришел? – Никто.

(4) Нам нужен только Петя, и больше никто.

(5) Петя иногда преувеличивает, но Даша – никогда.

Всякая теория, объясняющая дистрибуцию и семантику NCI, должна давать ответы на следующие три вопроса:

(6) а. Являются ли NCI семантически отрицательными?

б. Если нет, то привносят ли NCI экзистенциальную квантификацию в сфере действия отрицания (= не существует *x* такого, что) или универсальную квантификацию над отрицанием (= каждый *x* не такой, что)?

с. Каков механизм лицензирования NCI? Является ли он семантическим (например, NCI лицензируются в контекстах, обладающих определенными логическими свойствами, такими, как нисходящая монотонность [Fauconnier, 1975; Ladusaw, 1979] или неверидикативность [Zwarts, 1995; Giannakidou, 1997]) или синтаксическим (например, NCI должны согласовываться с отрицательным показателем подобно глагольному согласованию с субъектом/объектом)?

² Впрочем, существует как минимум один класс примеров, в которых NCI лицензируются отрицанием составляющих – см. раздел 5.1.

Большинство современных теорий сходятся в том, что NCI лицензируются синтаксически, а именно – посредством согласования, формально реализуемого в форме проверки признаков³. В данной работе я принимаю синтаксическую теорию лицензирования NCI. Однако, вопреки точке зрения, распространенной среди сторонников как синтаксических [Brown, 1999; Watanabe, 2004; Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Szabolcsi, 2018], так и семантических теорий лицензирования NCI [Fălăuș, Nicolae, 2016; Déprez, 2017; Kuhn, to appear], я утверждаю, что NCI лицензируются не в сфере действия отрицания, а над ним.

Я предполагаю, что в русском языке отрицательный показатель *не* является вершиной Neg⁴, и отрицание семантически локализовано в этой вершине, а не в каком-либо фонологически пустом операторе в другой позиции (см. раздел 3). Я привожу аргументы, показывающие, что если NCI в русском языке входят в структуру до отрицания (*не*), они должны передвигаться в позицию над ним (предположительно, в позицию непосредственного доминирования). В некоторых случаях NCI лицензируются, вступая в структуру после отрицания. Так или иначе, они всегда лицензируются над отрицанием и интерпретируются над ним. Следовательно, NCI должны быть неотрицательными универсальными кванторами [Giannakidou, 2000, 2006; Abels, 2002, 2005]. Таким образом, я утверждаю, что ответы на вопросы (6) таковы:

- (7) а. NCI семантически неотрицательны;
- б. NCI привносят универсальную квантификацию;
- с. NCI лицензируются синтаксически (предположительно, посредством стандартного (Downward) Agree).

³ О противопоставлении синтаксического и семантического лицензирования см. раздел 2.1. О проверке признаков и ее альтернативах см. раздел 4.

⁴ Во-первых, *не*, как и английский показатель *-n't* (вершина), но не *not* (фразовая составляющая, группа), передвигается вместе с глаголом, ср. (i) и (ii).

- (i) а. Why are_m you *t_m* not listening to me?
- б. *Why are not_m you *t_m* listening to me?
- с. Why aren't_m you *t_m* listening to me?

[Vikner, 2001, p. 203]

- (ii) Не пришел ли Петя?

Во-вторых, как и ожидается от вершин, *не* не проходит так называемый *why-not*-тест [Merchant, 2001b], ср. *why not?* и **почему не?* Тест предполагает, что вопросительные слова – группы, и конструкции типа *why not* образуются путем адьюнкции (группы к группе). Соответственно, вершины не могут появляться в конструкциях типа *why not*. Впрочем, неграмматичность *не* в этом случае может быть результатом независимого фонологического запрета зависания *не*, см. раздел 6.3.

Основная задача настоящей работы – привести аргументы в пользу (7с). Положения (7а) и (7b) можно рассматривать как следующие из (7с), однако будут приведены и независимые аргументы в их поддержку.

Оставшаяся часть статьи структурирована следующим образом. В разделе 2 я обсуждаю проблемы для теорий, рассматривающих NCI как единицы с отрицательной полярностью/поляризацией (NPI), и теорий, унифицирующих строгий и нестрогий NC, отделяя таким образом строгий NC от этих явлений. В разделе 3 я привожу аргументы против теории неинтерпретируемости показателя сентенциального отрицания в языках со строгим NC (таким образом, семантически отрицание локализуется в той же позиции, где оно выражается). В разделе 4 я коротко обсуждаю согласование в минимализме и предлагаю формальный анализ лицензирования NCI через Agree. Дальнейшие разделы посвящены обоснованию анализа. В разделе 5 я показываю, что для лицензирования NCI в русском языке необходимо их передвижение в позицию над отрицанием, и привожу некоторые аргументы в пользу универсальной квантификации NCI. В разделе 6 я обсуждаю примеры, проблемные для существующих теорий, с особым вниманием к теории, представленной в этой статье, а именно: случаи, когда NCI порождаются над отрицанием, и эллиптические контексты. Раздел 7 – заключение.

2. NC и смежные явления

2.1. NC и лицензирование NPI

Противопоставление синтаксического лицензирования NCI и семантического лицензирования NPI опирается на различия в их дистрибуции. На данный момент существует консенсус относительно того, что для лицензирования NPI релевантны логические свойства контекста – нисходящая монотонность или неверидикативность, недавнее обсуждение см. в [Gajewski, 2011; Chierchia, 2013; Giannakidou, 2018]. Например, так называемые слабые NPI (типа английского *any* или русского *кто-либо*) допускают лицензирование в широком круге неотрицательных контекстов [Partee, 2005, p. 5–6; Chierchia, 2013, p. 55], обладающих данными свойствами, например, в протасисе условной конструкции (8)–(9).

- (8) If you have any questions, you can call me. [Partee, 2005, p. 2]
 ‘Если у тебя будут какие-либо вопросы, можешь позвонить мне.’
- (9) а. *Если вы встретите никого, позвоните мне.
 [Там же, p. 5]
- б. Если вы кого-либо встретите, позвоните мне.
 [Там же]

Труднее отделить NCI от сильных NPI, допускающих лицензирование только в отрицательных контекстах, создаваемых собственно отрицанием или отрицательными кванторами (типа английского *nobody*)⁵. Некоторые авторы [Chierchia, 2013, р. 232–240; Fălăuș, Nicolae, 2016, р. 585; Déprez, 2017, р. 111–112; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, р. 3] предполагают, что NCI являются сильными NPI, однако дистрибутивные различия обнаруживаются и в этом случае.

Как было замечено еще в [Lakoff, 1969], сильные NPI (например, английские *until*, *either*, *in years*) могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы, если матричный предикат обладает свойством подъема отрицания⁶ (далее – NR-предикат).

- (10) a. John doesn't think that Mary will arrive **until** tomorrow.
 'Джон не думает, что Мэри приедет до завтра.'
 b. *John isn't certain that Mary will arrive **until** tomorrow.
 Ожид.: 'Джон не уверен, что Мэри приедет до завтра.'
 [Romoli, 2013, р. 317]

Существуют многочисленные свидетельства в пользу того, что в примерах типа (10) отрицание не поднимается из подчиненной клаузы, а изначально порождается в главной клаузе и лицензирует NPI через границу CP [Gajewski, 2005; Romoli, 2013; Jacobson, 2020]⁷.

Как показано в работе [Dočekal, 2020, р. 28–33] на материале чешского языка, этот контекст позволяет отделить сильные NPI (например, *ani jeden student* 'даже один студент') от NCI. В русском языке данный контраст наблюдается при сравнении NCI и конструкций типа и *один X* – вторые более грамматичны при отрицании матричных NR-предикатов (11a–b), NCI не лицензируются через границу финитной клаузы в любом случае (11c–d).

⁵ В соответствии с анализом [Zwarts, 1993], сильные NPI лицензируются анти-аддитивными функциями, которые определяются так: $f(x \vee y) \leftrightarrow f(x) \wedge f(y)$. Почему анти-аддитивность релевантна для лицензирования NPI, неясно, см. критику в [Chierchia, 2013, р. 213–227]. Альтернативный подход [Gajewski, 2011] предполагает, что и слабые, и сильные NPI лицензируются в контекстах с нисходящей монотонностью, но только в случае последних лицензирование нарушается пресуппозициями и импликатурами лицензирующих операторов, что сводит множество их лицензоров к отрицанию и отрицательным кванторам. Оба анализа предполагают, что лицензирование сильных NPI зависит не от отрицания как такового, а от логических свойств контекста, что оправдано данными: иногда сильные NPI все же лицензируются без отрицания (12)–(13).

⁶ Это свойство, при котором отрицание матричного предиката может интерпретироваться так, как будто оно находится в подчиненной клаузе: *Петя не думает, что Маша спит* $\approx$ *Петя думает, что Маша не спит*.

⁷ Впрочем, как и в случае различия между слабыми и сильными NPI (сноска 5), конкретный анализ подъема отрицания не имеет решающего значения, поскольку в данном случае в первую очередь важен сам факт различия дистрибуции сильных NPI и NCI.

- (11) а. [?]Петя не думал, что Наташа решит и одну задачу.
(NR-предикат)
- б. ^{??}Петя не обещал, что Наташа решит и одну задачу.
(не NR-предикат)
- с. *Петя не думал, что Наташа решит ничего.
(NR-предикат)
- д. *Петя не обещал, что Наташа решит ничего.
(не NR-предикат)

Таким образом, лицензирование NCI, в отличие от сильных NPI, строго локально.

Кроме того, в некоторых случаях сильные NPI все же лицензируются без отрицания:

- (12) Few Americans have been to Spain. Few Canadians have **either**.
[Nathan, 1999, p. 2]

‘Немногие американцы были в Испании.
И немногие канадцы тоже.’

- (13) I'll be damned if I hire you **until** you get a haircut. [Jacobson, 2020]
‘Будь я проклят, если найму тебя до того, как ты
подстрижешься.’

Наконец, в отличие от NCI, NPI недопустимы во фрагментарных ответах (14). Хотя это различие само по себе не является аргументом в пользу синтаксического лицензирования NCI, оно свидетельствует о том, что механизмы лицензирования NPI и NCI различны, см. обсуждение в [Zeijlstra, 2004, p. 209–223].

- (14) *Кто пришел? – Кто-либо.

Я предполагаю, что контрастов между (11а) и (11с), между (3) и (14) и существования (12)–(13) достаточно для того, чтобы рассматривать NCI и NPI как различные классы. Уже из этих данных видно, что для (слабых и сильных) NPI имеет значение семантика, а для NCI релевантно синтаксическое ограничение: они должны находиться в одной клаузе с отрицанием. Дополнительные различия между лицензированием NCI и NPI, несовместимые с теорией «NCI как NPI», будут показаны в разделе 5.

Кроме того, следует заметить, что в языках с NC в морфологическом составе NCI систематически проявляется отрицательный компонент, что свидетельствует либо об ингерентной отрицательности, либо об отрицательном согласовании. В то же время связи между сильными NPI и отрицательной морфологией не наблюдается (ср. русское *и одна задача*; английские *until, either, in years*).

2.2. Строгий и нестрогий NC

Так называемый нестрогий NC характерен для романских языков и креолов на их основе [Watanabe, 2004, p. 595; Zeijlstra, 2004, p. 149; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 14], но также наблюдается в некоторых неродственных им языках [Hasplemath, 1997, p. 210–213]. Как отмечают [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016], нестрогий NC, во-первых, крайне редок и, во-вторых, очень разнообразен, что делает анализ всех случаев нестроого NC как одного явления сомнительным. В этом разделе я сосредоточусь на обсуждении наиболее изученных романских данных на примере итальянского. В конце раздела я приду к выводу в духе [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016]: нестроого NC как единого явления не существует, это понятие можно использовать только как описательный термин. Предваряя выводы этого раздела, элементы, нуждающиеся в лицензировании при нестрогом NC, я буду называть псевдо-NCI.

В постглагольной позиции псевдо-NCI, как и «подлинные» NCI, грамматичны только в присутствии показателя сентенциального отрицания (15a). Первое различие проявляется в предглагольной позиции – в этом случае псевдо-NCI допустимы без сентенциального отрицания (15b)⁸. На основании этого различия такой тип NC называется нестрогим (опять же, в других языках, особенно нероманских, «нестрогость» может проявляться по-другому, см. [van der Auwera, Van Alsenoy, 2016, p. 492–505]).

(15) итальянский

- a. Non ha telefonato nessuno.
 NEG AUX звонил кто-либо
 ‘Никто не звонил.’ [Zeijlstra, 2004, p. 39]
- b. Nessuno ha telefonato.
 никто AUX звонил
 ‘Никто не звонил.’ [Там же]

Асимметричная дистрибуция романских псевдо-NCI послужила тому, что для них предлагались противоположные анализы – как NPI в [Laka, 1990, 1994] и как отрицательных кванторов⁹ в [Zanuttini, 1991; De Swart,

⁸ Добавление отрицательного маркера ведет либо к неграмматичности [Zeijlstra, 2008, p. 3; Chierchia, 2013, p. 229], либо к двойному отрицанию [Moscati, 2010, p. 88], см. обсуждение далее в этом разделе.

⁹ Здесь и далее под отрицательными кванторами я буду понимать местоимения с семантикой ‘не существует, для любого неверно’, не нуждающиеся в лицензировании, типа английских *nobody*, *nothing*.

Sag, 2002]. Я, вслед за [Zanuttini, 1989; Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010; Nakajima, 2020], предполагаю, что псевдо-NCI лексически неоднозначны. В частности, в (15a) *nessuno* – слабый NPI, примерно синонимичный русскому *кто-либо* или английскому *anybody*, а в (15b) – отрицательный квантор (NQ), синонимичный английскому *nobody*, что отражено в глоссах и пометках напротив примеров.

О том, что псевдо-NCI типа итальянских *nessuno* или *niente* ‘что-либо, ничего’ действительно могут быть NPI, свидетельствует возможность их употребления в типичных неотрицательных контекстах лицензирования NPI [Moscati, 2010, p. 92], часть из которых приводится в (16). При этом сами псевдо-NCI не привносят отрицания в семантику.

- (16) a. На visto niente? (NPI)
 AUX видел что-либо
 ‘Он видел что-нибудь?’ [Там же]
- b. Se dovesse venire nessuno, digli
 если должен.SUBJ.3SG прийти кто-либо скажи.ему
 di ripassare doro. (NPI)
 PREP вернуться позже
 ‘Если кто-нибудь придет, скажи ему вернуться позже.’
 [Там же]
- c. Sparirono prima che Gianni potesse
 исчезли прежде что Джанни мочь.SUBJ.3SG
 dir niente. (NPI)
 сказать что-либо
 ‘Они исчезли, прежде чем Джанни смог сказать что-либо.’
 [Там же]

В. Москати сообщает, что грамматичность (16b–c) и других примеров с неотрицательным лицензированием, которые здесь не приводятся, варьирует по носителям, однако лицензирование в вопросе (16a) грамматично для всех носителей [Moscati, 2010, footnote 46]. Лицензирование в неотрицательных контекстах наблюдается и в других языках с нестрогим NC [Laka, 1990, p. 111–113; Haspelmath, 1997, p. 196; Watanabe, 2004, p. 595; Moscati, 2010, p. 93; van der Auwera, Van Alsenoy, 2016, p. 475–476].

Кроме того, псевдо-NCI могут лицензироваться отрицанием матричных NR-предикатов (17b), что недопустимо в языках со строгим NC, ср. (11c). Если матричный предикат не обладает свойством подъема отрицания, то предложение грамматично с интерпретацией псевдо-NCI как отрицательного квантора (17a).

- (17) a. Non pretendo che nessuno ti arresti. (NQ)
 NEG требую что никто тебя арестовывать.SUBJ.3SG
 1. *‘Я не требую, чтобы тебя арестовывал кто-либо.’
 2. ‘Я не требую, чтобы никто тебя не арестовывал.’
 [Moscatti, 2006, p. 154]
- b. Non voglio che nessuno mi disturbi. (NPI/NQ)
 NEG хочу что кто-либо меня беспокоить.SUBJ.3SG
 1. ‘Я не хочу, чтобы кто-либо меня беспокоил.’
 2. #‘Я не хочу, чтобы никто меня не беспокоил.’
 [Moscatti, 2010, p. 98]

О возможности использования псевдо-NCI в качестве отрицательных кванторов свидетельствует также грамматичность фрагментарных ответов (18), что недопустимо для NPI (14).

- (18) Chi hai visto? – Nessuno. (NQ)
 кто AUX.2SG видел никто
 ‘Кого ты видел? – Никого.’ [Там же, p. 100]

Можно предположить, вслед за [Haspelmath, 1997, p. 196–197], что некоторые NPI (а именно те, которые я называю псевдо-NCI), редко появляющиеся в неотрицательных контекстах, ассоциированы с отрицанием настолько сильно, что могут лицензировать эллипсис глагола с отрицанием при отсутствии отрицания в антецеденте эллипсиса (18), см. также обсуждение примера (93). Таким образом, псевдо-NCI типа *nessuno* можно продолжать рассматривать как NPI даже с учетом их грамматичности во фрагментарных ответах.

Этот анализ, однако, в отличие от анализа, предполагающего лексическую неоднозначность, не объясняет грамматичность и отрицательную интерпретацию псевдо-NCI в неэллиптических контекстах без отрицания – (15b), (17a), (19a). Таким образом, лексическая неоднозначность представляется неизбежной.

Остальные специфические свойства псевдо-NCI следуют из предположения о том, что они могут быть как NPI, так и отрицательными кванторами. Например, они появляются в конструкциях с распространением отрицания (negative spread), в которых в одной клаузе присутствуют несколько псевдо-NCI, но нет показателя сентенциального отрицания (19a). В соответствии с анализом [Moscatti, 2010, p. 100] я предполагаю, что в (19a) отрицательный квантор в предглагольной позиции лицензирует NPI в постглагольной позиции. Аналогичные предложения в языках со строгим NC неграмматичны (19b).

- (19) a. Nessuno ha telefonato a nessuno.
 никто AUX звонил PREP кто-либо
 (NQ-субъект, NPI-объект)
 ‘Никто никому не звонил.’ [Zeijlstra, 2004, p. 76]
- b. Никто *(не) звонил никому.

Если псевдо-NCI в предглагольной позиции – отрицательные кванторы, то при добавлении сентенциального отрицания ожидается появление двойного отрицания в интерпретации, что и происходит (20), см. также [Laka, 1990, p. 120]¹⁰.

- (20) Nessuno non ha telefonato. (NQ)
 никто NEG AUX звонил
 ‘Никто не не звонил.’ [Moscatti, 2010, p. 94]

Кроме того, при лицензировании из матричной клаузы ожидается двусмысленность, поскольку это допустимый контекст как для NPI, так и для отрицательных кванторов (в предглагольной позиции). Выше было показано, что при отрицании матричных NR-предикатов действительно возможны две интерпретации, хотя интерпретация псевдо-NCI как NPI предпочтительнее [Moscatti, 2006, p. 155]. Двусмысленность также возникает при лицензировании адверсативным матричным предикатом *dubitare* ‘сомневаться’:

- (21) Dubito che nessuno venga. (NPI/NQ)
 сомневаюсь что кто-либо/никто приходить.SUBJ
 1. ‘Я сомневаюсь, что кто-либо придет.’
 2. ‘Я сомневаюсь, что никто не придет.’ [Zanuttini, 1991, p. 143]

Остается открытым вопрос, почему псевдо-NCI в значении отрицательного квантора не могут быть грамматичны в постглагольной позиции без отрицания (15a). Эта проблема, конечно, осознается

¹⁰ Х. Зейлстра утверждает, что предложения типа (20) грамматичны только с сильным акцентом на псевдо-NCI и паузой после него: *NESSUNO # non ha telefonato* [Zeijlstra, 2008, footnote 1]. По данным [Moscatti, 2010, p. 88] предложение (20) грамматично с нейтральной интонацией. Я предполагаю, что необходимость акцентирования NCI в предложениях типа (20) может быть связана с тем, что двойное отрицание, как правило, не используется в нейтральном контексте, а служит для отрицания предыдущего утверждения, содержащего (однократное) отрицание, ср. русскую интерпретацию (20). Таким образом, двойное отрицание задействует отрицание составляющих и используется для противопоставления, ср. *Петя не спит()* и *Петя не не спит()*. Следовательно, необходимость акцентирования в контекстах типа (20) не является идиосинкретическим свойством псевдо-NCI и никак не компрометирует описываемую в этом разделе теорию. См. релевантное обсуждение в [Puskás, 2012].

сторонниками теории лексической неоднозначности псевдо-NCI, и за подходами к ее решению я отсылаю читателей к [Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010]¹¹.

Прежде чем завершить этот раздел, я предлагаю рассмотреть независимый аргумент против теорий, унифицирующих строгий и нестрогий NC. По наблюдению [Watanabe, 2004, p. 587–607], NCI в языках со строгим NC систематически демонстрируют один и тот же морфологический состав: неспецифицированное местоимение (wh-слово)¹² + фокусный или аддитивный элемент + (опционально) отрицательный показатель (табл. 1; данные японского взяты из [Watanabe, 2004, p. 599]).

В (22) сформулированы два (предположительных) обобщения относительно шаблона (NEG)-ADD-WH (*modulo* порядок морфем). Конечно, существуют языки, в которых конструкции типа ADD-WH не являются NCI, в (22b) подразумеваются случаи, когда существует выраженная (как в русском и венгерском) или невыраженная (как, предположительно, в японском) отрицательная морфема.

(22) a. NCI → (NEG)-ADD-WH:

(подлинные) NCI всегда имеют форму (NEG)-ADD-WH

b. (NEG)-ADD-WH → NCI:

форму (NEG)-ADD-WH могут иметь только (подлинные) NCI

В качестве контрпримеров (22a) можно рассматривать языки из табл. 2, в которых предположительно имеет место (строгий) NC, но некоторые NCI образованы не от wh-слов, а *klum* в иврите, по-видимому, не содержит ни аддитивных, ни эмфатических элементов.

Следует отметить, однако, что статус NCI в этих языках неоднозначен. Например, в греческом они могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы [Giannakidou, 2006, p. 340; Giannakidou, Zeijlstra, 2017, p. 24], а также в before-клаузах типа (16c) [Kuhn, to appear], что недопустимо в русском. Румынские *ni*-NCI и *'af* в иврите, по данным [Haspelmath, 1997, p. 70, 74], могут использоваться в контексте

¹¹ Неграмматичность отрицательных кванторов в постглагольной позиции наблюдается и в некоторых языках без NC, например, в норвежском [Svenonius, 2002]. Некоторые теории предполагают, что даже в языках без NC (типа английского) отрицательные кванторы передвигаются в Spec,NegP [Beghelli, Stowell, 1997]. Это объясняет их неграмматичность в постглагольной позиции.

¹² Также выдвигается предположение, что место wh-слова может занимать минимайзер, например *hito* 'один' в японском [Watanabe, 2004, p. 603]. Семантика слов *кто* и *один* в целом очень близка: первое может обозначать множество людей, а второе – множество людей и предметов. С другой стороны, такие конструкции могут на самом деле быть сильными NPI и иметь немного другую дистрибуцию, ср. русские *и одна X* (11) и *никто*.

Таблица 1

NCI в русском, венгерском и японском языках
[NCI in Russian, Hungarian and Japanese]

	‘кто’ [‘who’] <i>kto</i> [Russian] <i>ki</i> (венгерский) [Hungarian] <i>dare</i> (японский) [Japanese]	‘что’ [‘what’] <i>chto</i> [Russian] <i>mi</i> (венгерский) [Hungarian] <i>nani</i> (японский) [Japanese]	‘где’ [‘where’] <i>gde</i> [Russian] <i>hol</i> (венгерский) [Hungarian] <i>doko</i> (японский) [Japanese]	‘когда’ [‘when’] <i>kogda</i> [Russian] <i>mikor</i> (венгерский) [Hungarian] <i>itsu</i> (японский) [Japanese]
Русский [Russian]	<i>n-i-kto</i> [<i>n-i-kto</i>]	<i>n-i-chto</i> [<i>n-i-chto</i>]	<i>n-i-gde</i> [<i>n-i-gde</i>]	<i>n-i-kogda</i> [<i>n-i-kogda</i>]
Венгерский [Hungarian]	<i>sen-ki</i> NEG.ADD-кто [NEG.ADD-who]	<i>sem-mi</i>	<i>se-hol</i>	<i>so-ha</i> NEG.ADD-если [NEG.ADD-if]
Японский [Japanese]	<i>dare-mo</i> кто-ADD [who-ADD]	<i>nani-mo</i>	<i>doko-mo</i>	—

«непрямого отрицания» (что включает лицензирование в аргументе без и предикатов с семантикой ‘не хватать’ и/или отрицанием через границу финитной клаузы [Haspelmath, 1997, p. 80]).

Таблица 2

NCI в румынском, греческом и иврите
[NCI in Romanian, Greek and Hebrew]

	‘никто’ [‘no one’]	‘ничто’ [‘nothing’]
Румынский [Romanian] [Watanabe, 2004, p. 592]	<i>nimeni</i> < <i>nēmō</i> , <i>nēminet</i> < <i>ne hēmō</i> не(т) человек [no(t) man]	<i>nimic</i> < <i>ne mica</i> не(т) крошка [no(t) crumb]
Греческий [Greek] [Giannakidou, 2006, p. 344]	<i>KAN-ENAS</i> * даже-один [even-one]	<i>TI-POTA</i> что-когда(-либо) (ср. <i>whatever</i>) [what-when(-ever) (cf. <i>whatever</i>)]
Иврит [Hebrew] [Zeldes, 2013, p. 456]	‘ <i>af</i> ‘ <i>eḥad</i> даже один [even one]	<i>klum</i> **

Примечание. * Малые прописные обозначают эмфатическое произношение.

** Этимология *klum* не вполне ясна. Предположительно, восходит к сочетанию *kol* ‘все, любой’ с показателем неопределенности/вопросительности *-ma* или с NPI *maʔuma*, содержащим этот показатель [Lucas, 2013, p. 446].

[Note. * Small caps indicate emphatic pronunciation.

** The etymology of *klum* is not entirely clear. Presumably, it goes back to the combination of *kol* ‘all, any’ with the indeterminate/interrogative marker *-ma* or with NPI *maʔuma* containing this marker [Lucas, 2013, p. 446].]

В качестве контрпримера (22b) можно рассматривать старославянский и других предшественников современных славянских языков. В этих языках, как и в современном русском, NCI имели форму NEG-ADD-WH (например, *никто*, *ничто* в древнерусском), однако NC варьировал между строгим и нестрогим, т.е. предглагольные NCI сопровождался показателем сентенциального отрицания опционально [Крижкова, 1968, p. 24; Brown, 1999, p. 38]. Можно предположить, что в этих языках отрицательный показатель в составе NCI мог быть интерпретируемым.

Итак, связь между морфологическим составом и дистрибуцией (псевдо-)NCI остается не до конца ясной и сделать окончательных выводов об истинности обобщений (22) не удастся, см. также более широкий обзор в [Haspelmath, 1997]. По крайней мере, NCI действительно соответствуют шаблону (NEG-)ADD-WH в венгерском, японском и современных

славянских языках, т.е. в языках с «подлинным» NC, соблюдающим оба основных критерия:

- а) лицензирование только отрицанием;
- б) лицензирование только в пределах клаузы.

С другой стороны, псевдо-NCI в языках с нестрогим NC не соответствуют шаблону (NEG-)ADD-WH и вообще морфологически разнородны (см. табл. 3). По предположению [Haspelmath, 1997, p. 233], романские псевдо-NCI появились в результате соединения двух парадигм (латинских отрицательных местоимений и местоимений неотрицательного происхождения типа итальянского *mai* или испанских *nadie, nada*), что можно рассматривать в качестве дополнительного подспорья анализу, предполагающему их двусмысленность в синхронии.

Таблица 3

**Псевдо-NCI в романских языках,
данные [Watanabe, 2004, p. 592]
[Pseudo-NCI in Romance languages,
data from [Watanabe, 2004, p. 592]]**

	кто [who]	что [what]	где [where]	когда [when]
Португальский [Portuguese]	<i>ninguém</i>	<i>nada</i>	<i>nenhures</i>	<i>nunca, jamais</i>
Испанский [Spanish]	<i>nadie</i>	<i>nada</i>	<i>en ninguna parte</i>	<i>nunca</i>
Каталанский [Catalan]	<i>ningu</i>	<i>res</i>	<i>enlloc</i>	<i>mai</i>
Французский [French]	<i>personne</i>	<i>rien</i>	<i>nulle part</i>	<i>jamais</i>
Итальянский [Italian]	<i>nessuno</i>	<i>niente, nulla</i>	<i>in nessun luogo</i>	<i>mai</i>

Теории, унифицирующие строгий и нестрогий NC, в частности, предполагающие, что различия между ними сводятся к внешним факторам, например, (не)интерпретируемости показателя сентенциального отрицания в рассматриваемом языке [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013], отказываются от объяснения морфологических обобщений, будь то (22) или нет.

Цель данного раздела состояла в том, чтобы привести аргументы против сведения строгого и нестрого NC к одному явлению. Как было показано, дистрибуция псевдо-NCI в романских языках шире, чем

дистрибуция как NCI, так и NPI. С одной стороны, они могут появляться в неотрицательных контекстах (16), (21) и лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы (17), с другой стороны, их способность самостоятельно выражать отрицание (или указывать на его присутствие) не сводится к эллиптическим контекстам (15b), (17a), (19)–(21). Таким образом, на данный момент наиболее состоятельной представляется теория, в соответствии с которой нестрогий NC романского типа вообще не задействует отрицательное согласование, а следует из лексической неоднозначности [Herburger, 2001; Moscati, 2006, 2010; Nakajima, 2020].

Нестрогий NC в нероманских языках имеет другие свойства и, возможно, требует другого анализа. В целом, типологическая редкость и разнородность нестрогого NC [van der Auwera, van Alsenoy, 2016] оправдывает разный анализ для разных случаев.

Итак, от теории (строгого) NC не требуется быть способной объяснять дистрибуцию псевдо-NC (*contra* [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013; Kuhn, to appear]), и в последующих разделах можно сосредоточиться на строгом NC (далее – просто NC).

3. Интерпретируемость показателя сентенциального отрицания в языках с NC

Для того чтобы понять, лицензируются ли NCI в сфере действия отрицания или за ее пределами, необходимо определить, где, собственно, локализовано отрицание семантически. Влиятельная теория синтаксического лицензирования NCI [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011] предполагает, что показатель сентенциального отрицания в языках с NC – неинтерпретируемый, а лицензирование NCI обеспечивается «скрытым» или «абстрактным» (фонологически невыраженным) отрицанием $Op_{\neg[\text{INEG}]}$, существование которого также предполагается в [Bošković, 2009; Chierchia, 2013; Fălăuş, Nicolae, 2016; Szabolcsi, 2018].

Теорию [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011] можно проиллюстрировать примерами (23a) и (24a), структура которых представлена в (23b) и (24b) соответственно:

(23) чешский

a. nikdo nevolá.

никто не.звонит

‘Никто не звонит.’ [Zeijlstra, 2004, p. 252]

b. [_{NegP} $Op_{\neg[\text{INEG}]}$ [_{VP} nikdo [_{UNEG}] [_V nevolá [_{UNEG}]]].
[Там же]

(24) чешский

- a. Dnes nikdo nevolá.
 сегодня никто не.звонит
 ‘Сегодня никто не звонит.’ [Zeijlstra, 2008, p. 25]
- b. [Dnes Op_{¬[INEG]} [TP nikdo_[tNEG] nevolá_[tNEG]]].
 [Zeijlstra, 2008, p. 25]

Как видно, анализ [Zeijlstra, 2004] и [Zeijlstra, 2008] различается позицией субъекта, что, в свою очередь, имеет последствия для позиции Op_{¬[INEG]}, однако для текущего рассуждения в первую очередь имеют значение более базовые предположения: (а) сам по себе отрицательный показатель *ne* ‘не’ в чешском (и других языках с NC, в т.ч. русском) – неинтерпретируемый (признак [tNEG]); (b) в структуре присутствует скрытое отрицание Op_{¬[INEG]}, которое и лицензирует как NCI, так и показатель *ne*_[tNEG].

С другой стороны, в языках типа итальянского в постглагольной позиции (псевдо-)NCI лицензируются выраженным и интерпретируемым отрицанием (25a). В предглагольной позиции (псевдо-)NCI оказываются за пределами сферы действия приглагольного отрицания и требуют вставления скрытого отрицания Op_{¬[INEG]} (25b).

(25) итальянский

- a. Gianni non_[INEG] ha telefona a nessuno_[tNEG].
 Джанни NEG AUX звонит PREP никому
 ‘Джанни не звонит никому.’ [Там же, p. 26]
- b. Op_{¬[INEG]} nessuno_[tNEG] ha telefonato a nessuno_[tNEG].
 ‘Никто не звонил никому.’ [Там же, p. 27]

Из обсуждения в предыдущем разделе уже ясно, что для объяснения нестрого NC итальянского типа скрытого отрицания недостаточно. Более того, с учетом предположения о лексической неоднозначности скрытого отрицания просто не нужно. В этом разделе я постараюсь показать, что оно не нужно и для анализа (строгого) NC, что позволит сохранить более простое предположение об интерпретируемости *ne*.

Само по себе постулирование скрытого отрицания проблематично по ряду причин. Во-первых, такая теория сложнее, поскольку в ней, помимо собственно показателя сентенциального отрицания, присутствует дополнительная сущность в лице скрытого отрицания. Во-вторых, возникает необходимость объяснить ограничения на дистрибуцию скрытого Op_{¬[INEG]} и выраженного *ne*_[tNEG]/ne_[tNEG].

Что касается первого пункта, то, по мнению [Zeijlstra, 2004, 2008], существуют независимые свидетельства в пользу скрытого отрицания в языках с NC. Например, в (26) наречие *moc* ‘много’ предшествует отрицательному показателю *ne*, но при этом интерпретируется в сфере действия отрицания. Х. Зейлстра предполагает, что обратная сфера действия ($\neg > \text{moc}$) обеспечивается скрытым отрицанием, доминирующим в синтаксической структуре над *moc* [Zeijlstra, 2004, p. 168–169, 245–246; Zeijlstra, 2008, p. 22–23].

(26) чешский

Milan	moc	nejedl.
Милан	много	не.съел

1. $\neg > \text{много}$: ‘Милан не съел много.’

2. $*\text{много} > \neg$: ‘Милан много не съел.’ [Zeijlstra, 2008, p. 23]

Аргумент, проиллюстрированный в (26), опирается на предположение о соответствии линейного порядка составляющих их позиции (и сфере действия) в логической форме (далее – LF). Однако сфера действия $\neg > \text{moc}$ может быть результатом реконструкции наречия в сферу действия *ne*, и ниже будет показана предпочтительность этого анализа.

Я не могу судить о достоверности оценок интерпретаций в (26), однако аналогичные русские примеры допускают обе интерпретации в зависимости от интонации:

(27) а. $\neg > \text{много}$: Петя много не съел(/) (, так, взял пару кусочков).

б. $\text{много} > \neg$: Петя много(/) не съел (, аж полтарелки оставил).

Можно предположить, что две различные интерпретации в (27) возникают в результате присоединения скрытого отрицания или наречия *много* в разных позициях. Первая из этих альтернатив исключается самим Х. Зейлстрой [Zeijlstra, 2004, p. 246; Zeijlstra, 2008, p. 25]. Таким образом, для объяснения (27) без реконструкции, необходимо предположить, что наречие *много* может присоединяться в разных позициях относительно фиксированного скрытого отрицания $Op_{\neg[\text{NEG}]}$ (*contra*, например, [Cinque, 1999]). Даже если допустить такую возможность, необходимость реконструкции все равно следует из существования (28).

(28) $\text{наверное} > \neg > \text{много}$: Много Петя, наверное, не съел (, так, взял пару кусочков).

Сфера действия и линейный порядок в (28) явно не совпадают. Если наречие *много* реконструируется в сферу действия модального показателя и отрицания в (28), ничто не мешает предположить то же самое для

(26) и (27a). Таким образом, эти примеры не могут служить свидетельством существования скрытого отрицания.

Второй независимый аргумент [Zeijlstra, 2004, 2008] в пользу скрытого отрицания схож с первым и опирается на то же (произвольное) предположение о совпадении линейного порядка и сферы действия. В отличие, например, от английского (29b), в славянских языках допустимо лицензирование NPI в предглагольной позиции (29a). Это, опять же, можно рассматривать как свидетельство того, что в чешском, в отличие от английского, в структуре клаузы присутствует скрытое отрицание, доминирующее над предглагольным объектом *ani nohu* и лицензирующее его [Zeijlstra, 2004, p. 245–246].

(29) чешский

- a. ani nohu jsem (tam) nevidel.
 даже.NPI ногу быть.1SG там не.видел
 ‘Я не видел (там) никого.’ [Там же, p. 246]
- b. *Anybody doesn't call.
 Ожид.: ‘Никто не звонит.’ [Zeijlstra, 2008, с. 40]

Этот аргумент фальсифицируется так же, как первый. В примерах (30) линейный порядок (XP > *наверное* > ¬) не совпадает со сферой действия (*наверное* > ¬ > XP), что делает возможность реконструкции неизбежной. В таком случае ничто не мешает анализировать (29a) как пример реконструкции *ani nohu* в сферу действия *ne*. Отсутствие аналогичных примеров в английском тривиально следует из общей недопустимости передвижения объекта в предглагольную позицию, ср. **him John didn't see*.

- (30) а. И слова, наверное, Петя не сказал.
 б. Никто, наверное, не пришел.

Таким образом, независимые аргументы в пользу скрытого отрицания, опирающиеся на наблюдаемую обратную сферу действия, не имеют силы¹³.

Еще бóльшая проблема для теории скрытого отрицания – объяснение дистрибуции поверхностного *ne*_[UNEG] и скрытого *Op*_{¬[INEG]}. Например, неграмматичность (31) в сравнении с (30b) объясняется следующим допущением: скрытое отрицание должно присоединяться в позиции, непосредственно с-командующей наиболее высоким вхождением [UNEG] (24b)

¹³ Для опровержения аргументов [Zeijlstra, 2004, 2008], проиллюстрированных в (26) и (29), необязательно привлекать примеры именно с эпистемическими наречиями. Другие контрпримеры не обсуждаются здесь из соображений краткости.

[Zeijlstra, 2008, p. 25]. Таким образом, NPI в позиции субъекта оказывает-ся за пределами сферы действия $Op_{\neg[INEG]}$, лицензирующего $ne_{[UNEG]}$ (**кто-либо* > $Op_{\neg[INEG]}$ > $ne_{[UNEG]}$). Однако, как было показано выше, в действительности существуют случаи, когда между $Op_{\neg[INEG]}$ и $ne_{[UNEG]}$ вклиниваются другие составляющие (26), (27а). Остается неясным, почему существует $Op_{\neg[INEG]}$ > *много* > $ne_{[UNEG]}$, но не существует $Op_{\neg[INEG]}$ > *кто-либо* > $ne_{[UNEG]}$.

(31) *Кто-либо не пришел¹⁴.

Еще один пример, неграмматичность которого выглядит необъяснимой, – (32b).

(32) а. Петя будет ничего не делать.

б. *Никто будет не спать.

Можно предположить, что неграмматичность (32b) следует из того, что $ne_{[UNEG]}$, находясь внутри фазы vP, не может быть лицензирован скрытым отрицанием $Op_{\neg[INEG]}$ из-за ее пределов вследствие условия непроницаемости фазы [Chomsky, 2000, p. 108] (граница которой в (33) обозначена решеткой).

(33) * $Op_{\neg[INEG]}$ [_{TP} Никто_[UNEG] [_{T/Asp} будет [_{vP} # [_{vP} $ne_{[UNEG]}$ спать]]]]].

Первая проблема этого объяснения состоит в том, что оно зависит от предположения о релевантности фаз для Agree, против чего существуют свидетельства, связанные с дистантным согласованием (long-distance agreement) [Bošković, 2007]. Более того, сам Х. Зейлстра допускает проверку $[UNEG]$ в позиции VP-in-situ [Zeijlstra, 2008, p. 28–29]. Наконец, даже если предположить, что граница фазы действительно препятствует лицензированию $ne_{[UNEG]}$ в (32b), неясно, почему это предположение не может быть спасено вставлением еще одного скрытого отрицания над VP (такая возможность должна существовать в свете грамматичности (32a)):

(34) * $Op_{\neg[INEG]}$ [_{TP} Никто_[UNEG] [_{T/Asp} будет [_{vP} [_{vP} $Op_{\neg[INEG]}$ $ne_{[UNEG]}$ спать]]]]].

¹⁴ Здесь у читателя может возникнуть вопрос: если скрытого отрицания не существует и (30b) грамматично благодаря реконструкции субъекта *никто* в сферу действия *не*, то почему неграмматично (31)? Иными словами, почему невозможна реконструкция субъекта *кто-либо* в сферу действия *не* в (31)? Я предполагаю, что реконструкции субъекта нет в обоих случаях (30b), (31). В этих примерах нуждающиеся в лицензировании составляющие (*никто* и *кто-либо*) оказываются в позиции над отрицанием в результате А-передвижения в позицию Spec,TP или Spec,Ag_rP, а не А'-скремблинга, как в (29a), (30a). Возможности реконструкции при А-передвижении более ограничены вплоть до полного запрета, см. обсуждение в [Chomsky, 1995; Lasnik, 1999; von Stechow, 2003; Titov, 2012]. *Никто* в (30b) грамматично, поскольку, в отличие от *кто-либо*, лицензируется **над** отрицанием, см. раздел 5.

Таким образом, более перспективной представляется теория, в которой грамматичность NCI зависит от позиции показателя *не*, а не скрытого отрицания *Op*_{-[INEG]}:

(35) а. Никто не будет спать.

б. *Никто будет не спать.

Обсуждение причин контраста в (35) я откладываю до раздела 6.2.

Возвращаясь к теории скрытого отрицания и завершая разбор ее недостатков, следует отметить необъяснимость обязательного присутствия *не*_[INEG] в клаузах с NCI. В самом деле, если *не*_[INEG] не участвует в лицензировании NCI, то в нем просто нет необходимости. Х. Зейлстра предполагает, что *не*_[INEG] служит для маркирования сферы действия отрицания [Zejlstra, 2004, p. 257; Zeijlstra, 2008, p. 28–29], однако в таком случае при его отсутствии следует ожидать двусмысленность, но не неграмматичность. Кроме того, в большинстве предложений с NCI есть только одна линейная позиция, куда может присоединяться лицензирующее *не* (непосредственно перед глаголом), и одна интерпретация, ср. (36). Таким образом, использование неинтерпретируемого *не* для маркирования сферы действия не только необязательно, но и избыточно.

(36) а. Никто *(не) пришел.

б. Петя ничего *(не) сделал.

Рассуждение выше представляется достаточным для опровержения теории о *не* как неинтерпретируемом маркере сферы действия. В работах [Zejlstra, 2004, p. 257; Zeijlstra, 2008, p. 28–29] по этому поводу делаются некоторые другие предположения, оказывающиеся проблемными при внимательном рассмотрении. Например, предполагается, что при выдвижении NCI из vP в использовании маркирующего сферу действия отрицания нет необходимости, что позволяет объяснить опциональность NCI в языках со скрэмблингом, таких как западнофламандский. В русском языке, однако, скрэмблинг NCI никак не отменяет обязательность присутствия *не* в клаузе, ср. *Никого Петя *(не) видел*. Более того, как будет показано в разделе 5, выдвижение NCI из vP происходит и в отсутствии скрэмблинга, см. также детальное обсуждение сербохорватского в [Bošković, 2008, 2009].

Итак, теория неинтерпретируемости *не* и скрытого отрицания имеет ряд существенных недостатков:

а) независимые аргументы в пользу скрытого отрицания несостоятельны;

б) дистрибуция скрытого отрицания непредсказуема – некоторые примеры оказываются неграмматичными против ожиданий, ср. (31), (32b)¹⁵;

с) необходимость присутствия в клаузе неинтерпретируемого *не* остается без объяснения;

д) теория зависит от некоторых дополнительных утверждений (по поводу дистрибуции наречий и скрытого отрицания), истинность которых неочевидна.

Таким образом, в свете данных этого раздела роль скрытого отрицания сводится к допущению *ad hoc*, которое принимается специально для объяснения лицензирования NCI без всяких независимых оснований. Это допущение, как было показано, не только усложняет теорию, но и порождает больше проблем, чем решений. В дальнейшем я буду предполагать, что скрытого отрицания не существует, и отрицательную семантику в русском языке привносит именно показатель *не* (как и, предположительно, соответствующие показатели сентенциального отрицания в других языках с NC)¹⁶. Следовательно, сфера действия отрицания совпадает с позицией *не* в синтаксической структуре. Как уже упоминалось выше, я предполагаю, что NCI сами по себе неотрицательны. Подтверждения этому предположению, как и проблемные для него данные, будут обсуждаться в разделах 5 и 6.

Итак, были рассмотрены два смежных вопроса, понимание которых необходимо для корректного анализа NC: релевантность псевдо-NCI и NPI для теории NC (нерелевантны); интерпретируемость показателя сентенциального отрицания (интерпретируем). Прежде чем я перейду к обсуждению семантики и лицензирования NCI, необходимо более эксплицитно обсудить синтаксическую теорию, используемую в дальнейшем.

4. Согласование в минимализме

Как было заявлено в разделе 1, я предполагаю, что NCI лицензируются (а) синтаксически (согласованием) и (б) над отрицанием. В большинстве случаев это требует передвижения, поскольку, например,

¹⁵ В действительности сложности, возникающие при постулировании скрытого отрицания, глубже, чем было показано в этом разделе. Например, необходимо объяснить несуществование предложений типа **Петя Оп_[-INEG] пришел*, интерпретация которого 'Петя не пришел'. См. обсуждение в [Zeijlstra, 2004, 2008].

¹⁶ Существуют случаи, когда показатель *не* присутствует в клаузе, однако отрицание не появляется в интерпретации явным образом – так называемое эксплетивное отрицание (например: *я боюсь, как бы Петя не опоздал*). Оно проявляется в небольшом множестве типологически устойчивых контекстов и, по-видимому, не связано с существованием в языке NC [Yoon, 2011; Greco, 2020]. Таким образом, для настоящего обсуждения интерпретируемости *не* эксплетивное отрицание нерелевантно.

аргументные NCI порождаются ниже отрицания (37). Эмпирические свидетельства того, что NCI действительно завершают свой деривационный путь над отрицанием, обсуждаются в разделах 5–6. В этом разделе я рассматриваю варианты формализации такого лицензирования.

(37) Петя [_{NegP} ничего_[INEG] [_{Neg} не_[INEG] [_{VP} сделал **ничего**_[INEG]]]].

Стандартный вариант минимализма [Chomsky, 2000, 2001] формализует согласование как операцию Agree, в которой неинтерпретируемый признак [_{uF}↓] составляющей Y (зонд) ищет интерпретируемый признак [_{iF}] (цель) в с-командуемой области¹⁷. Если [_{iF}] найден, то [_{uF}↓] проверяется и удаляется из деривации¹⁸ (38a). Если у зонда есть признак/свойство EPP, составляющая XP с признаком [_{iF}] должна передвинуться в спецификатор YP (38b). Чтобы составляющая XP_[iF] могла служить в качестве цели, она должна быть активной, т.е. сама должна иметь неинтерпретируемый признак [_{uK}] (ограничение, известное как условие активности или условие активации) [Chomsky, 2000, р. 123; Bošković, 2007, р. 607–609]. В результате Agree удаляется как [_{uF}↓], так и [_{uK}], указанный в (38) в скобках.

(38) а. Agree: [_Y Y_[uF↓, (iK)] [_{ZP} ... XP_[iF, (uK)] ...]]

б. Agree (+EPP):

[_{YP} XP_[iF, (uK)] [_Y Y_[uF↑, EPP, (iK)] [_{ZP} ... XP_[iF, (uK)] ...]]]

Agree плохо подходит для формализации NC, поскольку в большинстве случаев составляющая, нуждающаяся в лицензировании (NCI), структурно находится **ниже** лицензора – отрицания (например, не_[INEG] или Op_{-[INEG]}). В терминах признаков это означает, что цель доминирует над зондом (37), что противоречит (38). В обсуждавшейся выше теории [Zeijlstra, 2004, 2008] для объяснения лицензирования NCI предлагается развернуть направление Agree, заменив его операцией Upward (или Reverse) Agree [Bjorkman, Zeijlstra, 2014, 2019; Wurmbrand, 2014]. Таким образом, зонд [_{uF}↑] ищет цель [_{iF}] в с-командующей части структуры (39).

¹⁷ Дополнительные стрелочные обозначения для зондов (↑, ↓), заимствованные из [Abels, 2012] и обозначающие направление «поиска», не используются в обсуждаемых здесь работах.

¹⁸ В поздних версиях минимализма типология признаков была усложнена, и место проверки заняло означивание (feature valuation) и распространение признаков (feature sharing), см. [Chomsky, 2001; Pesetsky, Torrego, 2007]. При формализации NC, как правило, по-прежнему используется простая типология признаков (интерпретируемые vs неинтерпретируемые) и операция проверки, в том числе и далее в этой статье. В целом, ничто не мешает переформулировать синтаксические теории NC с учетом более сложной типологии признаков и, соответственно, операций означивания/распространения признаков.

Например, лицензирование NCI в примерах (23), (24) тривиальным образом соответствует (39).

(39) Upward Agree: $[_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots XP_{[uF+]} \dots]]$

Однако, вопреки предположениям [Zejlstra, 2004, 2008; Bjorkman, Zeijlstra, 2014, 2019], без дополнительных допущений (39) не подходит для анализа NC, поскольку не предсказывает обязательное (см. ниже) передвижение NCI (37). Для того чтобы составляющая $XP_{[uF+]}$ передвигалась, необходимо наличие либо признака EPP у цели (40a), либо дополнительной пары признаков $[uK\uparrow]$, $[iK]$, которая потребует передвижения $XP_{[uF+, iK]}$ в позицию, делающую возможной проверку $[uK\uparrow]$ (40b).

(40) a. Upward Agree (+EPP):

$[_{YP} XP_{[uF+]} [_Y Y_{[iF, EPP]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF+]} \dots]]]$

b. Upward Agree (+ $[uK\uparrow]$):

$[_{YP} XP_{[uF+, iK]} [_Y Y_{[iF, uK+]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF+, iK]} \dots]]]$

Таким образом, анализ NC через Upward Agree требует либо допущения *ad hoc* в виде EPP, либо постулирования у отрицания признака $[uK\uparrow]$, провоцирующего передвижение NCI. Существование такого признака сомнительно: неясно, ни чем он должен быть содержательно, ни чем он проверяется в отсутствии NCI. С учетом того, что Upward Agree делает неверные предсказания и в случае глагольного согласования с аргументами [Rudnev, 2021], в дальнейшем я не рассматриваю его как опцию для анализа NC.

Для объяснения передвижения NCI достаточно небольшой модификации Agree, предложенной в [Bošković, 2007]: если зонд $[uF\downarrow]$ не может найти в с-командуемой области признак $[iF]$ (41a), чтобы «спасти» деривацию, он передвигается вверх по структуре в ближайшую позицию, из которой Agree становится возможным (41b).

(41) Agree [Bošković, 2007]

a. $*[_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots XP_{[uF\downarrow]} \dots]]$

b. $^{OK}[_{YP} XP_{[uF+]} [_Y Y_{[iF]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF\downarrow]} \dots]]]$

В теории Ж. Бошковича не нужно ни условие активности, ни EPP – в частности, деривация в (38b) требует передвижения $XP_{[iF, (uK\downarrow)]}$ для проверки $[uK\downarrow]$. Это желаемый результат, поскольку и условие активности, и EPP, в сущности, являются чисто техническими допущениями [Там же, р. 608, 621]. Еще одно ее преимущество заключается в простом и непротиворечивом объяснении циклического *wh*-передвижения [Там же, р. 633–634]. К этому можно добавить, что и лицензирование

NCI, как будет показано в разделах 5–6, вытекает из (41) естественным образом.

Следует отметить, что большинство обсуждаемых далее примеров совместимы с более ограничительным анализом, в котором NCI лицензируются только в конфигурации спецификатор–вершина (Spec-head) [Naegeman, Zanuttini, 1991; Brown, 1999; Bošković, 2008, 2009]. Хотя такой тип согласования не может быть теоретическим примитивом в современном минимализме, он может быть определен без прямого обращения к конфигурации Spec-head. Например, в [Коорман, 2006] приводятся аргументы, что согласование между XP и Y возможно только при применении операции Merge к XP и YP¹⁹. Вкупе с запретом согласования Y с непосредственной сестрой XP такое определение сводит согласование к конфигурации Spec-head [Там же, р. 162]. В (42) проиллюстрирована одна из альтернативных формализаций согласования Spec-head. Если зонд [uF↑↓] должен как с-командовать целью, так и быть в области ее с-командования, согласование возможно только в конфигурациях вершина–комплемент и спецификатор–вершина (в теории [Abels, 2012] зондами такого типа наделяются вершины фаз).

(42) Spec-head agreement (вариант формализации)

$$[_{YP} XP_{[uF↑↓]} [_Y Y_{[IF]} [_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF↑↓]} \dots]]]$$

В целом, существование зондов типа [uF↑↓] априори не менее предпочтительно, чем существование стандартных зондов типа [uF↓] – если допустить только [uF↑↓], теория получается даже более ограничительной.

Большая часть примеров, обсуждаемых ниже, совместима с анализом согласовательного признака (зонда) NCI и как [uNEG↓], и как [uNEG↑↓] (43). Эти варианты анализа делают разные предсказания в небольшой группе примеров, когда NCI порождается над отрицанием. Я обсуждаю их в разделе 6.2, где прихожу к выводу, что анализ (43а) со стандартным Agree (в модификации [Bošković, 2007]) предпочтительнее. Далее в случаях, когда выбор одного из двух анализов (43) незначим, я буду использовать обозначение [uNEG] без стрелок.

¹⁹ Определение [Коорман, 2006, р. 162] также допускает согласование между XP и Y при соединении ZP и YP, где ZP содержит XP (случай эффекта крысолова). Оно также предполагает, что признаки вершины Y проецируются вместе с вершиной (или лейблом вершины), т.е. $Y_{[F]} \rightarrow YP_{[F]}$. Насколько мне известно, это стандартное предположение, см., например, [Rezac, 2003; Béjar, Rezac, 2009]. Можно заметить, что оно принимается в этой статье независимо от (не)принятия какого-либо варианта согласования. В частности, в случае NCI признак [uNEG] вводится в деривацию вершиной $n(u)$ -, но передается всей ni -P. В противном случае, [uNEG] будет с-командовать только комплементом $n(u)$ -, т.е. wh -словом, и не сможет согласоваться ни с чем.

(43) а. Петя $[_{NegP}$ ничего $[_{UNEG+}]$ $[_{Neg}$ не $[_{NEG}]$ $[_{VP}$ сделал **ничего** $[_{UNEG+}]$].
(= (41))

б. Петя $[_{NegP}$ ничего $[_{UNEG++}]$ $[_{Neg}$ не $[_{NEG}]$ $[_{VP}$ сделал **ничего** $[_{UNEG+!}]$].
(= (42))

Итак, в этом разделе было показано, что лицензирование NCI над отрицанием можно формализовать разными способами. Представленные подходы к согласованию существуют независимо от анализа NCI и практически не отклоняются от стандартной теории Agree [Chomsky, 2000; 2001], а в чем-то даже более минималистичны. В следующем разделе подробно рассматриваются аргументы в пользу лицензирования NCI над отрицанием.

5. NCI лицензируются над отрицанием

5.1. Порядок составляющих

Вопрос (6b) о том, являются ли NCI экзистенциальными или универсальными кванторами (с узкой или широкой сферой действия соответственно), был бы легко разрешим, если бы не их известное свойство «примыкать» к отрицанию в LF. Иными словами, другие составляющие не могут иметь сферу действия между NCI и отрицанием (44).

(44) а. Никто не решил хотя бы одну задачу.
(* $\forall_{NCI} > \exists$ хотя бы $1 > \neg$)

б. Никто не решил каждую задачу. (* $\neg > \forall > \exists_{NCI}$)

Тем не менее, существует ряд примеров, позволяющих определить, что (а) NCI лицензируются над отрицанием и (б) NCI являются универсальными кванторами. В этом разделе будет показано, что порядок составляющих свидетельствует о передвижении NCI в позицию над отрицанием. В разделе 5.2 будет показано, что невозможность этого передвижения делает предложения с NCI неграмматичными. В разделе 5.3 обсуждаются примеры, в которых обнаруживается универсальная квантификация NCI.

Первый аргумент в пользу лицензирования NCI над отрицанием уже был упомянут в разделе 3.2. NCI, в отличие от NPI, допустимы в позиции субъекта (45a-b). Более того, если предположить, что NCI лицензируются под отрицанием, окажется, что узкая сфера действия в позиции субъекта отличает их не только от NPI, но и от любой другой составляющей (45c-f).

(45) а. Никто не пришел. ($\neg > \exists$ или $\forall > \neg$)

б. *Кто-либо не пришел. ($\exists > \neg$)

- (45) с. Если кто-либо не придет, позвони мне. (если $> \exists > \neg$)
 d. Кто-нибудь точно не придет. (точно $> \exists > \neg$)
 e. (Я уверен,) хотя бы один человек не придет. ($\exists$ хотя бы $1 > \neg$)
 f. Каждый студент не пришел. ($\forall > \neg$)

В отсутствии скрытого отрицания грамматичность (45a) можно объяснить реконструкцией *никто* в изначальную позицию субъекта (например, *Спец, vP*), где NCI оказывается в сфере действия отрицания, ср. [Déprez, 2017, p. 98–104]. Этот анализ, однако, сомнителен в свете того, что в других примерах (45b–f) интерпретация с узкой сферой действия субъекта (т.е. с реконструкцией) либо невозможна, либо требует маркированной интонации. С другой стороны, грамматичность и широкая сфера действия *никто* в (45a) автоматически следует из предположения о лицензировании NCI над отрицанием.

Второй аргумент в пользу этого предположения связан с порядком слов в простой клаузе. Предпочтительная линейная позиция NCI – предглагольная [Герасимова, 2015, с. 52]²⁰. В случае с NCI-объектами нейтральность порядка SOV можно рассматривать как частный случай общего свойства местоимений-объектов занимать предглагольную позицию.

Однако предпочтительность предглагольной позиции характерна для NCI в целом и особенно заметна в предложениях с несколькими NCI (46). Если бы NCI могли оставаться *in situ*, следовало бы ожидать полную грамматичность и нейтральность (46b). Обсуждение того, каким образом порядок (46b) может получаться после передвижений NCI в *Спец, NegP*, см. в [Bošković, 2008, 2009].

- (46) а. Никто никогда никому ничего не дает.
 б. [?] Никто не дает никогда никому ничего.

Еще более явно передвижение NCI в предложениях с отрицанием составляющих. В (47) представлен, по всей видимости, единственный контекст, в котором NCI лицензируются не сентенциальным отрицанием. Невозможность скремблинга в пределах составляющей [*не* [DP/NP]] позволяет увидеть порядок слов, возникающий в результате обязательных (обусловленных проверкой признаков) передвижений.

- (47) Петя купил никакой не мотоцикл, а (просто) велосипед.

²⁰ Исключение – именные группы, модифицируемые NCI, в позиции объекта (например, *никаких студентов* или *ни одного студента*). Для них нейтральна стандартная постглагольная (SVO) позиция [Герасимова, 2015, с. 52]. Это, однако, не отменяет необходимости передвижения, см. далее.

Можно предположить, что модификатор *никакой* порождается над отрицанием (48a), однако такой анализ сомнителен в свете того, что это будет единственный случай модификации составляющей типа [не [DP/NP]], ср. (49). Более предпочтительным представляется анализ с передвижением модификатора (48b). Так или иначе, NCI *никакой* допустим только в позиции над отрицанием.

- (48) a. [_{NegP} *никакой*_[UNEG] [_{Neg} *не*_[INEG] [_{DP/NP} мотоцикл]]]
 b. [_{NegP} *никакой*_[UNEG] [_{Neg} *не*_[INEG] [_{DP/NP} *никакой*_[UNEG] мотоцикл]]]
 (49) a. Пришел *никакой* не Вася, а тот самый Петя.
 b. Пришел не какой-нибудь Вася, а тот самый Петя.
 c. *Пришел какой-нибудь не Вася, а тот самый Петя.

Примеры типа (47), (49a) свидетельствуют о том, что для лицензирования NCI имеет значение достижимость именно NegP, а не какой-либо другой проекции на левой периферии, например FocP [Bošković, 2008, 2009]. В противном случае придется предположить существование фокусной проекции в структуре DP/NP.

5.2. Ограничения передвижений

Если NCI передвигаются в позицию над отрицанием для проверки неинтерпретируемого признака, невозможность этого передвижения должна приводить к неграмматичности. Так и происходит. В (50a) NCI-модификатор допустим, поскольку, предположительно, либо модифицирует всю конъюнкцию/дизъюнкцию, либо выдвигается из обоих конъюнктов передвижением Across-the-Board²¹. Во втором аргументе конъюнкции или дизъюнкции, выдвигание откуда невозможно, NCI недопустимы (50b), что отличает их от NP1 на *-либо* (50c). Это тривиально следует из того, что NCI, остающийся во втором конъюнкте/дизъюнкте, не может с-командовать отрицанием независимо от передвижений сочиненной конструкции в целом.

- (50) a. Я не нашел там никаких денег и/или драгоценностей.
 b. *Я не нашел там денег и/или никаких драгоценностей.
 c. Я не нашел там денег и/или каких-либо драгоценностей.

²¹ Конкретный анализ сочиненных конструкций непринципиален, достаточно эмпирического обобщения о том, что модификатор не может быть извлечен (только) из второго конъюнкта. Это подтверждается, например, примером (i), у которого не может быть наиболее естественной интерпретации, в которой прилагательное *зубастый* характеризует только крокодилов.

(i) #ЗУБАСТЫХ я видел там слонов и крокодилов.

В русском языке также запрещено извлечение генитивного посессора [Лютикова, 2009, с. 483–484]. Например, при его релятивизации наблюдается эффект крысолова (51).

- (51) а. [...] рассказ о женщине, дом которой смывает разлившаяся река [~~дом которой~~].
 б. *[...] рассказ о женщине, которой смывает разлившаяся река [~~дом которой~~].

Таким образом, NCI не может быть передвинут из позиции генитивного посессора в позицию, доминирующую над отрицанием. Исходя из того, что при передвижении всей именной группы с посессором NCI, оставаясь внутри проекции DP/NP, не с-командует отрицанием, можно предположить, что NCI в этой позиции должны быть неграмматичны (52).

- (52) *_{[NegP [DP/NP DP/NP [никого_[UNEG]]]_k не_[INEG] [_{XP} ... t_k ...]]}

Это предположение оправдывается (53b) (впрочем, см. (54) ниже). При этом допускается как посессивный NCI-модификатор *ничей* (53a), так и NPI в позиции генитивного посессора (53c), хотя такие предложения оцениваются ниже.

- (53) а. Я не просматривал *ничи* сообщения.
 б. *Я не просматривал сообщения *никого*.
 с. ?Я не просматривал сообщения *кого-либо*.

Анализ через Upward Agree можно сделать совместимым с неграмматичностью (50b) и (53b), если предположить, что островные ограничения релевантны для Agree даже без передвижения [Zejlstra, 2008, с. 43]. Это предположение может иметь нежелательные последствия. Во-первых, ввиду грамматичности (50c) и (53c) оно с неизбежностью влечет отказ от теории лицензирования NPI через Agree, например [Chierchia, 2013]²². Во-вторых, если невозможность передвижения в (50), (53) связана с фазовыми ограничениями конъюнкции [Bošković, 2003, 2019] и DP [Adger, 2003; Bosque, Gallego, 2014; Reeve, 2019; Bondarenko, Davis, 2021] соответственно, то с неизбежностью следует вывод о релевантности

²² В разделе 2.1 я утверждаю, что для лицензирования NPI релевантны логические свойства контекста, т.е. они лицензируются семантически. Это может показаться противоречащим новому утверждению о том, что NPI могут лицензироваться через Agree. Например, теория [Chierchia, 2013] использует Agree, однако при этом проверяются признаки, связанные с доменными и шкальными альтернативами и не имеющие прямого отношения к отрицанию. Предложение может быть неграмматичным даже в случае успешной проверки признаков, если его семантика окажется противоречивой или тавтологичной. Отрицание создает необходимый для грамматичности контекст, но само по себе не участвует в проверке признаков.

фаз для Agree (*contra* [Bošković, 2003, 2007]). С другой стороны, если предположить, что неграмматичность (50), (53) следует из невозможности передвижения, сторонние теории остаются незатронутыми.

Более серьезную проблему для аргумента, основанного на данных (53), представляют два обобщения, замеченные анонимным рецензентом: во-первых, генитивные формы местоимений в целом проигрывают в приемлемости посессивным маркерам типа *чей*, *чей-то* и т.д. Во-вторых, при добавлении модифицирующей РР к генитивному посессору многие из таких конструкций становятся более приемлемыми (54). Таким образом, может существовать какое-то иное, возможно, семантическое, ограничение, делающее генитивные местоимения без модификаторов маргинальными/неграмматичными (впрочем, ср. (53с)).

(54) а. Меня не убедили аргументы { *никого / ?никого из вас }.

б. Я сейчас видел маму { *кого-то / ?кого-то из нас }.

с. Маму { *кого / ?кого из нас } ты видел?

Более того, требует объяснения сравнительная допустимость вариантов с РР-модификаторами в (54), поскольку предлагаемая теория предсказывает их неграмматичность (52). В качестве одного из вариантов анализа можно допустить распространение признаков посессора на проекцию фазы DP (55). Таким образом, с точки зрения признаков вся DP превращается в NCI, вопросительное или относительное местоимение и т.д. Анализ в таком духе предлагается в [Abels, 2012] для объяснения эффекта крысолова, который, в числе прочего, типологически устойчиво провоцируется посессорами. Впрочем, его техническая реализация в случае NCI может отличаться и требовать дополнительных допущений, и я оставляю обсуждение контрастов в (54) на будущее.

(55) [_{DP} DP_[UNEQ] [никого_[UNEQ] (из вас)]]

Еще один контекст, в котором грамматичность NCI снижается из-за проблематичного передвижения, не связан с островными или фазовыми ограничениями. В работах [Progovac, 1994, р. 64–70; Abels, 2005, р. 29–31] делается вывод, что область лицензирования NCI ограничена TP/IP. Если предположить, что NCI лицензируются в сфере действия отрицания (например, посредством Agree), это ограничение будет неожиданным с учетом того, что TP, как правило, не считается фазой. С другой стороны, в рамках теории, предполагаемой в этой статье, «барьерность» TP может быть объяснена без дополнительных допущений. Я ограничу обсуждение одним классом примеров, которые не рассматриваются в [Abels, 2002, 2005].

Существует наблюдение, что универсальные кванторы едва ли могут иметь сферу действия над эпистемическими модальными глаголами, известное как *epistemic containment principle* (ECP). Вопреки изначальному предположению [von Fintel, Iatridou, 2003], это не строгий запрет, и возможно построить контекст, в котором широкая сфера действия универсального квантора будет допустима, см. обсуждение в [Yanovich, 2020]. Тем не менее, интерпретация с широкой сферой действия в таких предложениях часто сомнительна (56).

(56) Петя не мог решить каждую задачу.

1. $\neg > \text{мог}_{\text{epistemic}} > \forall$:
не может быть, что Петя решил каждую задачу
2. $??\forall > \neg > \text{мог}_{\text{epistemic}}$:
каждая задача такая, что не может быть, что Петя решил ее

По всей видимости, на данный момент не существует общепринятого анализа этого явления. Я предполагаю, что маргинальность второй интерпретации в (56) связана с общим ограничением сферы действия универсальных кванторов [Beghelli, Stowell, 1997; Wurmbrand, 2018]. В соответствии с анализом [Rosseyaykin, 2020] *мочь* в (56) (как и грамматизированные эпистемические модальные глаголы в целом) занимает высокую вершину Mod_{Ep} над проекцией времени TP, субъектом и объектом, в духе теорий [Cinque, 1999; Nacquard, 2006, 2010]. Таким образом, для получения второй интерпретации в (56) универсальный квантор (субъект или объект) должен передвигаться в нестандартно высокую позицию (57). Можно предположить, что составляющая в этой позиции допускает только топикальную интерпретацию [Neeleman, Vermeulen, 2012; Colley, Privoznov, 2020], однако топикализация универсальных кванторов проблематична по семантическим причинам, впрочем см. [Giannakidou, 2006, p. 348–351].

(57) $\#[_{\text{YP}} \text{каждый } X \text{ } [_{\text{NegP}} \text{не } [_{\text{ModEp}} \text{мог } [_{\text{TP}} \dots \text{каждый } X \dots]]]]^{23}$

Если предположить, что NCI – универсальные кванторы, то передвижение в YP в (57) для них должно быть также затруднено. Таким образом, мы получаем простое объяснение сразу двум наблюдениям:

- а) ECP;
- б) «барьерности» TP для лицензирования NCI.

²³ Я предполагаю, что проекция сентенциального, а точнее стандартного отрицания [Miestamo, 2005] находится между TP и AspP или непосредственно над TP. Если не появляется в другой позиции, как в (57), то это отрицание составляющих, которое в русском языке омонимично стандартному, см. обсуждение в [Rosseyaykin, 2020, p. 148]. Здесь для простоты и то, и другое я рассматриваю как вершину Neg.

Вне зависимости от того, находится ли этот предварительный анализ на верном пути, на эмпирическом уровне ожидается, что в соответствии с ЕСР грамматичность NCI должна быть снижена в контекстах типа (56)–(57) при условии, что NCI (а) являются универсальными кванторами и (б) должны передвигаться в позицию над отрицанием.

Так и происходит: пример (58) грамматичен с «корневой» интерпретацией *мочь* (58a). В случае (58b) носители, как правило, либо оценивают предложение как маргинальное/неграмматичное, либо допускают его с нерелевантной «корневой» интерпретацией: ‘Очень странно... (раньше) Петя не мог решить ничего (а сейчас вдруг решил половину заданий).’ Желаемая эпистемическая интерпретация, совпадающая со второй интерпретацией (56), труднодоступна²⁴.

(58) а. Петя (как ни старался) не мог решить ничего. (root)

✓ задача > ¬ > мог_{root}

б. (Очень странно...) ??Петя не мог решить ничего. (epistemic)

1. ??✓ задача > ¬ > мог_{epistemic}

2. #✓ задача > ¬ > мог_{root}

Грамматичная и неграмматичная (в зависимости от интерпретации модального глагола) структуры примеров (58) показаны в (59), без необходимых для лицензирования передвижений. Граница области лицензирования NCI (предположительно обусловленная информационной структурой) обозначена решеткой.

(59) а. [_{TP} # Петя [_T [_{Neg} не [_V мог_{root} [_{VP} решить ничего]]]]].

б. ??Петя [_{Neg} не [_{Mod} мог_{epistemic} [_{TP} # Петя [_T [_{VP} решить ничего]]]]].

Как отмечает анонимный рецензент, предложения с NCI и отрицанием эпистемического *мочь* все же возможны (60). Предлагаемый анализ предсказывает существование таких случаев. Как мне кажется, отрицание и модальный глагол (*не мог*) в (60) можно интерпретировать как контрастивный фокус, о чем свидетельствует нестандартный порядок слов, а NCI – как топик, что облегчается определенностью и ограничением домена квантификации (*из этих задач*). Некоторые другие

²⁴ Возможна также следующая нерелевантная интерпретация (58b): ‘Не может такого быть, что Петя не решил (совсем) ничего.’ (¬ > мог > ✓ задача > ¬ > решить). Интерпретации с двойным отрицанием, появляющиеся в эмфатических/контрастивных контекстах, были замечены некоторыми исследователями ранее [Zanuttini, 1991, p. 130; Zeijlstra, 2008, p. 3; Penka, 2011, p. 53–54], но остаются практически не изученными. Как мне кажется, интерпретация (58b), (59b) с двойным отрицанием становится проминентной именно из-за затрудненности лицензирования NCI отрицанием над эпистемическим *мочь*. Так или иначе, в данной статье я вынужден проигнорировать это явление, см. релевантное обсуждение венгерского в [Puskás, 2012].

контрпримеры ЕСР, например, (61) из [Yanovich, 2020], на мой взгляд, также возникают в контекстах, способствующих топиальной интерпретации универсального квантора.

(60) Не мог Петя решить никакую из этих задач!

(61) (Given what we know after years of research,) every moment you spend with your child **could** be the one that really matters.
(‘Учитывая то, что мы знаем после многих лет исследований,’) каждый момент, который вы проводите с вашим ребенком, может быть тем моментом, который действительно важен.’

Итак, затрудненность лицензирования NCI при эпистемической интерпретации *мочь*, как я предполагаю, связана со слишком высокой позицией отрицания (59b). Теории, предполагающие, что NCI – это экзистенциальные кванторы или неопределенные местоимения, лицензуемые в сфере действия отрицания, не предсказывают ни связь контрастов в (58)–(59) с ЕСР, ни существование этих контрастов вообще, поскольку в (59b) на пути Agree нет даже границы фазы (после выдвижения объекта из vP).

Более подробное обсуждение примеров типа (58) см. в [Rosseyaykin, 2020], о разной степени грамматикализации *мочь* в зависимости от значения см. также [Холодилова, 2015].

На этом я завершаю обсуждение аргументов в пользу обязательного передвижения NCI в позицию над отрицанием, дополнительные аргументы на материале русского и сербохорватского соответственно см. в [Abels, 2002, 2005; Bošković, 2008, 2009].

5.3. Универсальная квантификация

Если NCI лицензируются над отрицанием, например, в Spec,NegP, то возможны как минимум три анализа их интерпретации:

- (62) а. $\neg > \exists$: NCI находятся в сфере действия отрицания даже после передвижения в Spec,NegP [Szabolcsi, 2018]
- б. $\neg > \exists$: NCI реконструируются из позиции Spec,NegP обратно в сферу действия отрицания [Brown, 1999]
- в. $\forall > \neg$: NCI находятся над отрицанием в LF [Abels, 2002, 2005; Giannakidou, 2006]

А. Яннакиду приводит список диагностик, в соответствии с большинством из которых славянские NCI являются универсальными кванторами, на что указывают оценки грамматичности в (63), см. также обсуждение в [Abels, 2005, p. 19–29].

(63) Диагностики NCI с универсальной квантификацией [Giannakidou, 2006, p. 351]

- a. ^{OK}Лицензируются только локальным отрицанием
- b. [?]Вводят пресуппозицию существования
- c. *Могут топикализировываться
- d. ^{OK}Могут модифицироваться *почти, абсолютно*
- e. ^{OK}Не могут связывать donkey-местоимения
- f. *Не могут использоваться в качестве именных предикатов

Проблема диагностик (63) в том, что они, во-первых, выявляют универсальную квантификацию не напрямую и, во-вторых, неоднозначны сами по себе. Например, тест, связанный с модификаций *почти*, был в дальнейшем подвергнут критике [Penka, 2011, p. 232–243], хотя см. опровержение в [Rossyaykin, 2020, p. 142–143]. Кроме того, в качестве «эталоны» используются греческие NCI, подлинный статус которых сомнителен (см. обсуждение табл. 2).

Как было сказано в начале раздела 5.1, получение прямых свидетельств универсальной квантификации затруднено свойством «примыкания» NCI к отрицанию (которое, к слову, ожидается исходя из предположения о кратчайшем передвижении NCI в позицию непосредственного доминирования над отрицанием). В работе [Shimoyama, 2011] показано, что примеры, в которых наблюдается сфера действия $\forall_{\text{NCI}} > \text{XP} > \neg$, можно построить в японском языке. В русском языке также существуют как минимум два класса примеров с интерпретацией $\forall_{\text{NCI}} > \text{XP} > \neg$. Первый из них, (64), обсуждается в [Błaszczak, 2001, p. 24; Abels, 2005, p. 24–26] на польском и русском материале соответственно.

(64) Я не взяла у тебя никакой книги_к, потому что я не знала, когда я смогу ее_к вернуть.

Клауза, вводимая *потому что*, имеет сферу действия над матричным отрицанием (*потому что* $\text{XP} > \text{не взяла}$) и при этом содержит связанное местоимение *ее*. Таким образом, NCI *никакой книги*, связывающий это местоимение, должен иметь сферу действия над матричным отрицанием (65)²⁵.

(65) [_{NeP} никакой книги_к [_{Neg} потому что ... ее_к вернуть
[_{Neg} не [_{VP} взяла ~~никакой книги~~]]]]

²⁵ Существует проблемный для этого анализа пример из английского языка, см. [Abels, 2005, footnote 22].

Второй и, видимо, наиболее показательный класс примеров – случаи так называемого обратного или нестандартного или интерклаузного отрицательного согласования (я буду использовать наиболее содержательное обозначение *reverse negative concord*, далее – RNC) [Kholodilova, 2015; Letuchiy, 2017; Garzonio, 2019]. В этих конструкциях, допустимых с небольшим множеством матричных предикатов (например, *стараться*, *решишь*, *согласиться*), NCI, находясь в матричной клаузе, лицензируется отрицанием в подчиненной клаузе (66). RNC также допустим при некоторых предикатах объектного контроля (*просить*, *советовать*), однако эти случаи, возможно, следует анализировать отдельно [Minog, 2013; Letuchiy, 2017; Лютикова, Татевосов, 2018], и в дальнейшем я буду рассматривать только RNC с субъектным контролем.

(66) Никто старался не обращать на это внимания. [Kholodilova, 2015]

Предложение (66) допускает два анализа:

- (67) а. $\forall_{NCI} > V1$ (*старался*) $> \neg > V2$ (*обращать*): каждый X старался не V2
 б. $\neg > \exists_{NCI} > V1$ (*старался*) $> V2$ (*обращать*): не существует X, который старался V2

Вариант LF (67а) выглядит предпочтительным, поскольку сфера действия отрицания в нем соответствует линейной позиции. Кроме того, можно показать, что событийная переменная, вводимая глаголом *стараться*, связывается над отрицанием (68), (69), что противоречит структуре (67б).

(68) Духом никто старался не падать, но получалось *неважно*²⁶.

(69) %Во время ночных переездов больше часа никто старался не спать²⁷.

Оба примера (68), (69) можно перефразировать, используя кванторные слова *каждый* или *все*.

(70) Каждый старался не падать духом, но получалось *неважно*.

(71) Каждый старался не спать больше часа во время ночных переездов.

По всей видимости, RNC нельзя анализировать через подъем, поскольку RNC-предикаты приписывают субъекту тета-роль (68)–(69)

²⁶ URL: <https://www.ski.ru/az/blogs/post/za-nashikh-prygunov-uzhe-mozhno-bolet/>

²⁷ URL: <https://newokrug.ru/po-transsibu-bez-sna-i-otdyiha/>

и вообще не являются типичными предикатами подъема (типа *казать-ся*), см. также аргументы против анализа с подъемом в [Letuchiy, 2017]. Насколько мне известно, удовлетворительного анализа RNC на данный момент не существует. В любом случае неясно, каким образом он может быть совместим с анализом NCI как экзистенциальных кванторов (или неопределенных местоимений) в сфере действия отрицания [Brown, 1999; Watanabe, 2004; Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Fălăuș, Nicolae, 2016; Szabolcsi, 2018] или как неопределенных местоимений, вводящих presupпозицию несуществования референта [Kuhn, to appear].

Итак, в этом разделе было показано, что NCI должны передвигаться в позицию над отрицанием (5.1), невозможность передвижения делает предложение неграмматичным (5.2). Следует отметить, что для лицензирования NCI имеет значение именно достижимость Spec,NegP, а не какой-то проекции над отрицанием (47), (58). Наконец, в 5.3 были приведены аргументы в пользу универсальной квантификации NCI. Обсуждение RNC будет продолжено в разделе 6.2.

6. Проблемные примеры

6.1. Другие теории

Данные раздела 5 опровергают теорию лицензирования NCI в сфере действия отрицания, что является одной из основных задач этой статьи. Существуют несколько теорий, предусматривающих передвижение NCI [Brown, 1999; Bošković, 2008, 2009; Moscati, 2010; Szabolcsi, 2018; Kuhn, to appear]. Некоторые положения из них были подвергнуты критике при обсуждении отдельных примеров – к сожалению, по соображениям объема я не могу остановиться на разборе их недостатков подробно и предлагаю читателям самостоятельно убедиться в том, что проблемные примеры существуют для каждой из них. Теории [Abels, 2002, 2005; Giannakidou, 2000, 2006] в целом совпадают с теорией, представленной в этой статье, однако не используют проверку признаков, рассматривая *ни*-местоимения как PPI и NPI соответственно.

В действительности, при отказе от проверки признаков NCI пришлось бы считать одновременно и PPI, и NPI. С одной стороны, они должны передвигаться из сферы действия отрицания (PPI), с другой – они неграмматичны в клаузах без отрицания (NPI), см. анализ в таком духе в [Moscati, 2010, p. 107–130]. Рассуждение о недостатках подобных теорий я, опять же, оставляю на стороне читателя, впрочем, см. критический обзор некоторых несинтаксических теорий в [Zeijlstra, 2004, 2008].

Как было показано в предыдущем разделе, предположения о том, что NCI (i) лицензируются обычным Agree или в конфигурации Spec-head

и (ii) привносят универсальную квантификацию, в наибольшей степени отвечают данным. Такой подход, не требуя дополнительных допущений, делает все необходимые предсказания:

а) NCI лицензируются только отрицанием (точнее, признаком [iNEG])²⁸;

б) NCI должны передвигаться в позицию над отрицанием или порождаться над ним;

с) ограничения на область лицензирования NCI совпадают со сферой действия универсальных кванторов (и не совпадают с ограничениями на область лицензирования NPI, см. раздел 2.1);

д) отрицательную морфологию NCI можно рассматривать как фонологическое выражение согласования.

В оставшейся части данного раздела будут рассмотрены примеры, проблемные для представленной в этой статье теории.

6.2. Примеры, зависящие от варианта согласования

Существуют два множества грамматичных примеров А и В, для которых варианты согласования в (43) делают противоположные предсказания. Сначала я рассмотрю примеры А, грамматичность которых ожидается в теории [Bošković, 2007] и исключается в теории, допускающей только согласование Spec-head (SHA) [Koortman, 2006], после чего перейду к примерам В, для которых делаются противоположные предсказания. В конце раздела я постараюсь показать, что анализ с модификацией Agree [Bošković, 2007] все же более перспективен, рассмотрев вариант анализа, объясняющий примеры В.

Напомню, что в теории Ж. Бошковича принимается стандартное (нисходящее) Agree с уточнением, что при отсутствии в области поиска цели с признаком [iF] (72a) зонд передвигается вверх в ближайшую позицию, доминирующую над целью (72b). В данном случае будет иметь значение, что эта теория допускает стандартное, нисходящее дистантное Agree (72c).

(72) Agree [Bošković, 2007]

а. $*[{}_Y Y_{[iF]} [{}_{ZP} \dots XP_{[uF]}] \dots]$

б. $OK[{}_{YP} XP_{[uF+]} [{}_Y Y_{[iF]} [{}_{ZP} \dots \cancel{XP}_{[uF]}] \dots]]$

с. $OK[{}_Y Y_{[uF+]} [{}_{ZP} \dots XP_{[iF]}] \dots]$

²⁸ В русском и других языках с NC допустимо (в разной степени) также лицензирование предлогом без. Это, однако, не вынуждает постулировать у без наличие признака [iNEG]. Возможность такого лицензирования непредсказуема, ср. *Петя пришел без ничего* vs *?Петя пришел без никого*, что свидетельствует против всякого композиционного анализа. Не остается ничего лучше, чем рассматривать конструкцию *без ничего* как лексическую идиосинкразию.

Помимо образования NCI, частица *ни*- также используется в сочинительной конструкции *ни...*, *ни...*, см. недавнее обсуждение в [Paperno, 2015; Tiskin, 2017a, b]. Как и NCI, эта конструкция лицензируется только отрицанием, и общий анализ этих явлений представляется необходимым. Существуют примеры, в которых сочинительное *ни* не просто имеет сферу действия над отрицанием, но и, по всей видимости, порождается над ним (73)–(74).

(73) Сидит, на свет не глядит, ни уши не ест, ни вина не пьет.
[Tiskin, 2017b, p. 135]

(74) Ни Петя не пришел, ни Маша не появилась.
[Paperno, 2015, p. 424]

Грамматичность (73)–(74) следует из стандартного Agree без каких-либо дополнительных допущений – зонд [$\text{uNEG} \downarrow$] находит в с-командуемой области цель [iNEG] (75).

(75) Ни_[$\text{uNEG} \downarrow$] Петя не_[iNEG] пришел, ни_[$\text{uNEG} \downarrow$] Маша не_[iNEG] появилась.

Второй тип примеров из множества А уже обсуждался выше – это RNC. Опять же, грамматичность предложений типа (76) предсказывается Agree.

(76) Никто_[$\text{uNEG} \downarrow$] (^{??}очень) старался не_[iNEG] обращать на это внимания.

Недопустимость модификации матричного предиката в предложении с RNC, впрочем, остается загадкой, см. обсуждение в [Kholodilova, 2015].

Здесь возникает вопрос: если допустимо лицензирование NCI в конфигурациях типа (76), то почему RNC грамматичен не со всеми глаголами? Например, почему неграмматичны примеры из множества В – (77)–(78)?

(77) *Никто будет не спать.

(78) *Никто хотел не приходить.

Предложение (77) моноклаузально при стандартном предположении о том, что *быть* – вспомогательный глагол, т.е. вершина Asp или Т. Предложение (78) биклаузально, однако матричный предикат *хотеть* подчиняет VP, т.е. объем функциональной структуры над инфинитивом *не приходить* минимален и не должен препятствовать Agree [Герасимова, 2015, p. 53–60]. Например, отрицание над *хотеть* допускает стандартное лицензирование NCI (79).

(79) Петя [_{VP} не хочет [_{VP/VP} ничего делать]].

Неграмматичность (77)–(78) предсказывается согласованием Spec-head, поскольку NCI либо порождается над отрицанием, что делает конфигурацию SHA (в частности, проверку [uNEG↑↓]) недостижимой (80a), либо порождается в сфере действия отрицания, но не может передвинуться в падежную позицию Spec,TP или Spec,Agг₅P вследствие «заморозки» в Spec,NegP [Rizzi, 2006] (80b). Два варианта анализа предложения (77) представлены в (80), в (78) субъект *никто* явно порождается в матричной клаузе над отрицанием.

- (80) а. *_{TP} Никто_[uNEG↑↓] будет _{VP} **никто**_[uNEG↑↓] _V _{Neg} не_[INEG] _V спать]]]]].
 б. *_{TP} Никто_[uNEG↑↑] будет _{NegP} **никто**_[uNEG↑↑] _{Neg} не_[INEG] _{VP} **никто**_[uNEG↑↓] спать]]]]].

Очевидно, что правильно предсказывая неграмматичность (77)–(78), SHA вместе с этим ошибочно предсказывает неграмматичность (75)–(76).

Можно подумать, что оба подхода, таким образом, заходят в тупик. Однако неграмматичность примеров из группы В (77)–(78) можно объяснить без дополнительных допущений и приняв теорию [Bošković, 2007], в связи с чем этот подход на данном этапе представляется более перспективным. Как было замечено Данияром Касеновым (личное сообщение), (77)–(78) исключаются следующим общим запретом: NCI лицензируются отрицанием составляющих, только если порождаются в его с-командуемой области. Иными словами, NCI не может лицензироваться, если порождается за пределами отрицаемой составляющей, даже если с-командует отрицанием (81).

- (81) а. Петя купил никакой не **никакой** мотоцикл, а велосипед
 б. *Никто купил не мотоцикл, а велосипед

Как уже было замечено выше в (79), глагол *хотеть* подчиняет инфинитив с минимальной функциональной структурой – VP по предположению [Герасимова, 2015]. Проекция стандартного/сентенциального отрицания обычно локализуется намного выше – в районе TP (см. сноску 23). Таким образом, отрицание над *хотеть* может быть только отрицанием составляющих (дистрибуция которого свободна), что обозначено как NotP в (82a). Из этого следует неграмматичность (82a). С другой стороны, глаголы, допускающие RNC (*стараться*, *решить*), предположительно подчиняют инфинитивы с большей структурой, куда входит проекция стандартного отрицания NegP (82b).

- (82) а. *Никто_[uNEG↓] хотел _{NotP} # не_[INEG] _{VP/VP} мешать ему]].
 б. Никто_[uNEG↑] старался _{NegP} не_[INEG] _{AspP} _{VP} мешать ему]].

На данный момент я не могу сказать, действительно ли все RNC-предикаты подчиняют инфинитивы с NegP, а не-RNC-предикаты – без NegP, как предполагает эта теория. По крайней мере, RNC не допускается ментальными предикатами типа *хотеть*, *думать*, *рассчитывать*, которые предположительно подчиняют небольшую структуру. Кроме того, по всей видимости, существуют и другие ограничения, которые дополнительно сужают круг конфигураций, допускающих RNC. Например, как уже было показано выше в (76), по какой-то причине грамматичность RNC существенно снижается при модификации матричного предиката.

6.3. Эллиптические контексты

Последний класс потенциально проблематичных примеров в действительности, напротив, поддерживает представленную теорию. Возможность употребления NCI в эллиптических контекстах без отрицания использовалась [Watanabe, 2004, p. 565–572; Zeijlstra, 2004, p. 222–223; Zeijlstra, 2008, p. 40–42] как один из решающих контраргументов против теории [Giannakidou, 2000, 2006]. Теория А. Яннакиду (как и моя) предполагает передвижение NCI в позицию над отрицанием с последующим эллипсисом глагола и отрицания. Это, однако, нарушает условие семантического соответствия эллидируемого материала антецеденту эллипсиса (83) [Merchant, 2001a]. А. Ватанабе характеризует эту проблему не иначе как ‘dead end’ для теорий, рассматривающих NCI как семантически неотрицательные элементы [Watanabe, 2004, p. 568].

(83) Кто [_{антецедент} пришел]? – Никто [_{эллипсис} ~~не пришел~~].

А. Ватанабе, таким образом, предлагает анализировать NCI как семантически отрицательные. По мнению [Zeijlstra, 2004, p. 270–271; Zeijlstra, 2008, p. 40–42; Fălăuș, Nicolae, 2016, p. 591–593], грамматичность фрагментарных ответов свидетельствует о скрытом отрицании, лицензирующем *никто*, поскольку только так можно обеспечить идентичность антецедента эллидируемому (84). Даже если в эллипсисе присутствует *не*_[UNEG+], оно не интерпретируется, и условие семантической идентичности соблюдается. В качестве альтернативного объяснения можно также предположить расположение интерпретируемого отрицания в высокой проекции PoIP над субъектом [Gribanova, 2017]. В действительности, однако, любая из этих альтернатив проблемнее, чем предположение о возможности несовпадения антецедента и эллидируемого материала по полярности.

(84) Кто [_{антецедент} пришел]? – *Ор*_[INEG] Никто [_{эллипсис} (~~не~~_[UNEG+]) пришел].

В разделе 3 были представлены аргументы против скрытого отрицания. Предположение об ингерентной отрицательности NCI порождает множество осложнений, поскольку:

а) отрицательной семантики лишается лицензирующий показатель *не*, по крайней мере, в предложениях с NCI;

б) отрицание почему-то интерпретируется однократно в предложениях с несколькими NCI (2);

с) необходимо по-новому объяснить причины неграмматичности и лицензирующий механизм NCI.

Подходы к решению этих проблем см. в [Watanabe, 2004; Bošković, 2009], критику – в [Zeijlstra, 2008, p. 47–49]. Наконец, предположение о наличии высокой проекции PolP сомнительно в свете того, что

а) субъект, как правило, интерпретируется над отрицанием, а не под ним (раздел 5.1);

б) высокая позиция отрицания, наоборот, делает NCI неграмматичными (раздел 5.2), см. также [Abels, 2002, 2005; Rossyaykin, 2020].

Таким образом, принятие предположения [Giannakidou, 2000, 2006] о возможности эллипсиса отрицания, как кажется, обходится наименьшей ценой. Более того, эллипсис отрицания, в сущности, объединяет два общепризнанных явления. Во-первых, несовпадение антецедента эллипсиса и эллидируемой части возможно, если несовпадающие признаки – неинтерпретируемые/неозначенные (85), см. также [Wurmbrand, 2014, p. 135–136; Gribanova, 2017, p. 1090]. Во-вторых, интерпретируемые признаки могут быть фонологически не выражены – *pro-drop* (86).

(85) Петя [_{антецедент} пришел_[uMasc,u3sg]], и Ксюша тоже
[_{эллипсис} пришла_[uFem,u3sg]].

(86) *pro*_[iFem,i3sg] Пришла_[uFem,u3sg].

Требуется сделать лишь небольшой шаг, допустив эллипсис интерпретируемого отрицания (83). Существуют и независимые подтверждения того, что такой эллипсис возможен. В [Jacobson, 2020] приводятся английские примеры, в которых отрицание присутствует в антецеденте, но не в эллидированной VP (это не отражается в русских интерпретациях).

(87) ³Sally thinks that a Democratic Socialist couldn't possibly be elected president, but Denise does.

‘Сэлли думает, что демократический социалист не может быть избран президентом, но Дениз думает, что может.’

[Jacobson, 2020, footnote 4]

(88) John expects **not** to pass every exam that Mary does.

‘Джон ожидает, что он не сдаст каждый экзамен, который Мэри ожидает сдать.’ [Jacobson, 2020, footnote 4]

В таком случае возникает вопрос, почему недопустимо (89b)? На мой взгляд, подобные примеры, вопреки предположению [Watanabe, 2004, p. 568], не составляют большой проблемы для теории эллипсиса отрицания. Поскольку в (89b) нет ни контекста с противопоставлением, ни фонологически выраженных неинтерпретируемых отрицательных признаков, ничто не указывает на присутствие отрицания, и оно каким образом не может быть восстановлено в интерпретации.

(89) а. Кто пришел? – Петя не пришел.

б. *Кто пришел – Петя ~~не пришел~~.

На этом можно было бы завершить обсуждение фрагментарных ответов, приняв анализ с эллипсисом [Giannakidou, 2000, 2006]. Однако я предлагаю еще более минималистичный анализ эллиптических контекстов, в котором сохраняется семантическая идентичность антецедента эллипсису.

Можно предположить, что удаление фонологического материала во фрагментарных ответах происходит в два шага: сначала происходит эллипсис, не нарушающий условие идентичности с антецедентом, после чего *не* удаляется во избежание зависания (90).

(90) Кто [_{антецедент} пришел]? – Никто ~~не~~ [_{эллипсис} ~~пришел~~].

Запрет на зависание *не* действительно следует из известных мне данных, например, из-за него (предположительно) невозможен эллипсис глагола в (91). Я предполагаю, что это морфонологический запрет, связанный с тем, что *не* является клитикой. Как показано в (92), предлоги, в отличие от *не*, могут зависеть при эллипсисе, поскольку запрет на зависание предлогов (в других случаях) имеет синтаксическую природу [Abels, 2012].

(91) а. Кто пришел? – Петя (пришел).

б. Кто пришел? – Петя не *(пришел).

(92) Книга лежит на столе, а журнал – под (столом).

Существует пример из иврита (93), подтверждающий предлагаемую теорию. Как видно, в иврите нет запрета на зависание предглагольного отрицательного показателя *lo*. Что более важно, в разговорном языке допустимо его удаление из PF, что в [Haspelmath, 1997, p. 198] связывается с сужением дистрибуции ‘*af* ‘*ehad*, которая в современном иврите

ограничивается отрицательными контекстами [Haspelmath, 1997, p. 74]. Таким образом, отрицание «восстанавливается из контекста». Пример (93) подкрепляет «двухшаговую» теорию фрагментарных ответов, т.к. в нем наблюдаемы оба шага, постулируемые в анализе (90).

(93) иврит

Mi ba? – Af ehad (lo).

кто пришел даже один NEG

‘Кто пришел? – Никто.’ [Glinert, 1982, p. 454]

[Цит. по: Haspelmath, 1997, p. 198]

Конечно, существование (93) не является решающим аргументом, поскольку можно допустить двусмысленность *af ‘ehad*, предположив, что в предложениях без выраженного *lo* его нет в структуре изначально, и *af ‘ehad* сам по себе является отрицательным квантором (типа английского *nobody*). Можно также предположить, что в отсутствии *lo* *af ‘ehad* лицензируется скрытым отрицанием. Наконец, можно предположить, что в (93) возможны два разных эллипсиса: [VP] и [*lo* VP], отказываясь от отдельной операции, удаляющей *lo*.

Как бы то ни было, примеры (87)–(88) и (93) делают запрет несовпадающего по полярности эллипсиса (или отдельного удаления отрицания из PF) [Watanabe, 2004, p. 565–572; Gribanova, 2017, p. 1089–1090] более чем сомнительным, подрывая тем самым основанные на нем аргументы против (83) или (90) и против представленной теории в целом²⁹.

Следует отметить, что анализ с эллипсисом или отдельным удалением отрицания из PF возможен только с учетом предположения о передвижении NCI в позицию над отрицанием. Теории, предполагающие лицензирование NCI в сфере действия отрицания, вынуждены объяснять грамматичность фрагментарных ответов с помощью скрытого отрицания, ингеретной отрицательности NCI или реконструкции в сферу действия эллидированного отрицания. Первые две опции критиковались выше. Возможность реконструкции в область эллипсиса также сомнительна; по крайней мере, она требует возвращения к вопросу

²⁹ Запрет на несовпадающий эллипсис можно сформулировать с точки зрения признаков: эллипсис запрещен, если в антецеденте и эллидируемой части есть несовпадающие по значению интерпретируемые признаки (например, [iPolarity: Positive] и [iPolarity: Negative]) [Gribanova, 2017, p. 1090]. Далее, можно предположить вслед за [Zeijlstra, 2008, p. 3–4], что в английском (языке без NC) отрицание – семантическое, но не синтаксическое, т.е. не имеет признака [iNEG] или [iPolarity: NEG]. В таком случае, примеры (87)–(88), а возможно и (93), не будут служить аргументом против запрета в такой формулировке, ведь в них нет несовпадающих синтаксических признаков. Обоснованность и правильность предсказаний такой теории, в которой эллипсис ориентируется исключительно на соответствие синтаксических признаков, игнорируя соответствие LF, ср. [Heim, Kratzer, 1998, p. 248–257], неочевидны.

о том, почему NPI, лицензируемые в сфере действия отрицания, неграмматичны во фрагментарных ответах. Таким образом, как и было заявлено в начале этого раздела, грамматичность NCI в эллиптических контекстах на самом деле представляет собой еще одно свидетельство в пользу теории лицензирования NCI над отрицанием.

7. Заключение

Всякая теория лицензирования NCI должна отвечать на три вопроса (6):

- а) являются ли NCI семантически отрицательными?
- б) если нет, то привносят ли они экзистенциальную квантификацию в сфере действия отрицания или универсальную квантификацию над отрицанием?
- с) каков механизм лицензирования NCI?

Основной задачей этой статьи было показать, что синтаксическое лицензирование посредством стандартного нисходящего Agree – необходимо и достаточно для предсказания дистрибуции NCI. Представленная теория не требует никаких немотивированных допущений в лице скрытого отрицания [Zeijlstra, 2004, 2008; Penka, 2011; Chierchia, 2013; Fălăuș, Nicolae, 2016], дополнительных синтаксических признаков [Watanabe, 2004; Bošković, 2008], лексической неоднозначности отрицательного показателя [Bošković, 2009], *ad hoc* предположений о реконструкции [Déprez, 2017] и т.д. Анализ лицензирующего показателя не также остается предельно простым – он интерпретируем, и его сфера действия совпадает с его позицией в структуре клаузы. При всей минималистичности представленная теория объясняет (не)грамматичность NCI в широком круге примеров, некоторые из которых вовсе не учитываются другими теориями NC.

Кроме того, было показано (разделы 2 и 5.2), что сходство NCI с NPI и псевдо-NCI в языках с так называемым нестрогим NC более иллюзорно, чем может показаться. В сущности, их дистрибуция совпадает лишь в одном базовом контексте – постглагольной позиции в простой клаузе с сентенциальным отрицанием. Поскольку NCI не сводятся ни к NPI, ни к псевдо-NCI, единая теория их семантики и лицензирования не имеет смысла.

Наконец, были приведены некоторые аргументы в пользу универсальной квантификации NCI (раздел 5.3). Само по себе предположение об универсальной квантификации не является *ad hoc*, поскольку это лишь один из двух возможных вариантов квантификации NCI ($\forall$ vs $\exists$), ничем не менее предпочтительный априори. Я предполагаю, что универсальная квантификация привносится аддитивным/сочинительным элементом *и*. Теории, рассматривающие NCI как экзистенциальные

кванторы или неопределенные местоимения, должны объяснять в том числе и систематическое появление в составе NCI такого элемента (см. табл. 1). Я оставляю исследование семантики NCI на будущее.

Библиографический список / References

Герасимова, 2015 – Герасимова А.А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП–2015». Вып. 2 / Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко. М., 2015. С. 47–61. [Gerasimova A.A. Negative pronouns licensing across an infinitival clause boundary in Russian. *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii "TMP-2015"*. Vol. 2. E.A. Lyutikova, A.V. Zimmerling, M.B. Konoshenko (eds.). Moscow, 2015. Pp. 47–61. (In Rus.)]

Лютикова, 2009 – Лютикова Е.А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселевой, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, С.Г. Татевосова. М., 2009. С. 436–511. [Lyutikova E.A. Relative clauses with the complementizing word *which*: General description and properties of movement. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. K.L. Kiseleva, V.A. Plungian, E.V. Rakhilina, S.G. Tatevosov (eds.). Moscow, 2009. Pp. 436–511. (In Rus.)]

Лютикова, Татевосов, 2018 – Лютикова Е.А., Татевосов С.Г. Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона, 2018 / Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья (ред.). Barcelona, 2018. С. 1290–1301. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G. Scope in Russian infinitival control constructions. *Aktualnye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoj konferencii rusistov v Barselonskom universitete MKR-Barcelona 2018*. J. Castellví, A. Zainouldinov, I. Garcia, M. Ruiz-Zorrilla (eds.). Barcelona, 2018. Pp. 1290–1301. (In Rus.)]

Крижкова, 1968 – Крижкова Е. К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках // *Slavia*. 1964. Вып. 37. № 1. С. 21–39. [Křížková H. On the so-called double negation in Slavic languages. *Slavia*. 1968. Vol. 37. No. 1. Pp. 21–39. (In Rus.)]

Холодилова, 2015 – Холодилова М.А. Грамматикализация русских модальных глаголов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2015. Вып. 11. № 1. С. 369–399. [Kholodilova M. Grammaticalization of Russian modal verbs. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 369–399. (In Rus.)]

Abels, 2002 – Abels K. Expletive (?) negation. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 10: The Second Ann Arbor Meeting*. J. Toman (ed.). Michigan Slavic Publications, 2002. Pp. 1–20.

Abels, 2005 – Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–74.

Abels, 2012 – Abels K. Phases: An essay on cyclicity in syntax. Berlin/Boston, 2012.

- Adger, 2003 – Adger D. Core syntax: A minimalist approach. Oxford, 2003.
- Beghelli, Stowell, 1997 – Beghelli F., Stowell T. Distributivity and negation: The syntax of *each* and *every*. *Ways of Scope Taking*. A. Szabolcsi (ed.). Dordrecht, 1997. Pp. 71–107.
- Béjar, Rezac, 2009 – Béjar S., Rezac M. Cyclic Agree. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. No. 1. Pp. 35–73.
- Bjorkman, Zeijlstra, 2014 – Bjorkman B., Zeijlstra H. Upward Agree is superior. Ms., University of Toronto & Georg-August-Universität Göttingen. 2014.
- Bjorkman, Zeijlstra, 2019 – Bjorkman B., Zeijlstra H. Checking Up on (φ-)Agree. *Linguistic Inquiry*. 2019. Vol. 50. No. 3. Pp. 527–569.
- Błaszczak, 2001 – Błaszczak J. Investigation into the interaction between the indefinites and negation. Vol. 51 of *Studia grammatica*. Berlin, 2001.
- Bondarenko, Davis, 2021 – Bondarenko T., Davis C. Long-distance scrambling in Balkar and the nature of edges. *Proceedings of the 38th West Coast Conference on Formal Linguistics*. R. Soo, U.Y. Chow, S. Nederveen (eds.). Somerville, MA, 2021. Pp. 54–64.
- Bosque, Gallego, 2014 – Bosque I., Gallego A. Reconsidering subextraction: Evidence from Spanish. *Borealis*. 2014. Vol. 3. No. 2. Pp. 223–258.
- Bošković, 2003 – Bošković Ž. Agree, phases, and intervention effects. *Linguistic Analysis*. 2003. Vol. 33. Pp. 54–96.
- Bošković, 2007 – Bošković Ž. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 4. Pp. 589–644.
- Bošković, 2008 – Bošković Ž. On two types of negative constituents and negative concord. *Proceedings of FDSL 6.5*. Frankfurt am Main, 2008. Pp. 9–35.
- Bošković, 2009 – Bošković Ž. Licensing negative constituents and negative concord. *NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. A. Schardl, M. Walkow, M. Abdurrahman (eds.). Amherst, MA, 2009. Vol. 38. Pp. 125–139.
- Bošković, 2019 – Bošković Ž. On the coordinate structure constraint and labeling. *Proceedings of the 36th West Coast Conference on Formal Linguistics*. R. Stockwell, M. O'Leary, Z. Xu, Z.L. Zhou (eds.). Somerville, MA, 2019. Pp. 71–80.
- Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford, 1999.
- Chierchia, 2013 – Chierchia G. Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention. Vol. 2 of *Oxford Studies in Semantics and Pragmatics*. Oxford, 2013.
- Chomsky, 1995 – Chomsky N. Categories and transformations. *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass., 1995. Pp. 219–394.
- Chomsky, 2000 – Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalism in honor of Howard Lasnik*. R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, Mass., 2000. Pp. 89–155.
- Chomsky, 2001 – Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, Mass., 2001. Pp. 1–52.
- Cinque, 1999 – Cinque G. Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. New York, 1999.
- Colley, Privoznov, 2020 – Colley J., Privoznov D. On the topic of subjects: Composite probes in Khanty. *NELS 50: Proceedings of the Fiftieth Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. M. Asatryan, Y. Song, A. Whitmal (eds.). Amherst, MA, 2020. Pp. 111–124.

De Swart, Sag, 2002 – De Swart H., Sag I. Negative concord in Romance. *Linguistics and Philosophy*. 2002. Vol. 25. No. 4. Pp. 373–417.

Déprez, 2017 – Déprez V. What is strict negative concord?: Lessons from French based Creoles. *Negation and Contact. With special focus on Singapore English*. D. Ziegeler, Z. Bao (eds.). John Benjamins Publishing Company, 2017. Pp. 81–114.

Dočekal, 2020 – Dočekal M. N-words and NPIs: Between syntax, semantics, and experiments. *Advances in formal Slavic linguistics 2017*. F. Marušič, P. Mišmaš, R. Žaucer (eds.). Berlin, 2020. Pp. 15–49.

Fălăuş, Nicolae, 2016 – Fălăuş A., Nicolae A. Fragment answers and double negation in strict negative concord languages. *SALT 26: Proceedings from the 26th Conference on Semantics and Linguistic Theory*. M. Moroney, C.-R. Little, J. Collard, D. Burgdorf (eds.). Washington, DC, 2016. Pp. 584–600.

Fauconnier, 1975 – Fauconnier G. Polarity and the scale principle. *Papers from the Eleventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. R. Grossman, L.J. San, T. Vance (eds.). 1975. Pp. 188–199.

Garzonio, 2019 – Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview. *Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca*. I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto (eds.). Venezia, 2019. Pp. 175–190.

Gajewski, 2005 – Gajewski J. Neg-Raising: Polarity and presupposition. PhD dis. MIT. 2005.

Gajewski, 2011 – Gajewski J. Licensing strong NPIs. *Natural Language Semantics*. 2011. Vol. 19. No. 2. Pp. 109–148.

Giannakidou, 1997 – Giannakidou A. *The Landscape of Polarity Items*. PhD dis. Groningen University, 1997.

Giannakidou, 2000 – Giannakidou A. Negative... Concord? *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. Vol. 18. No. 3. Pp. 457–523.

Giannakidou, 2006 – Giannakidou A. N-words and negative concord. *The Blackwell Companion to Syntax*. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). Vol. 3. Malden, MA, 2006. Pp. 327–391.

Giannakidou, 2018 – Giannakidou A. A critical assessment of exhaustivity for Negative Polarity Items: The view from Greek, Korean, Mandarin, and English. *Acta Linguistica Academica*. 2018. Vol. 65. No. 4. Pp. 503–545.

Giannakidou, Zeijlstra, 2017 – Giannakidou A., Zeijlstra H.F. The landscape of negative dependencies. *The Wiley Blackwell Companion to syntax*. 2nd ed. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). John Wiley & Sons, Inc, 2017. Pp. 1–38.

Glinert, 1982 – Glinert L. Negative and non-assertive in contemporary Hebrew. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1982. Vol. 45. No. 3. Pp 434–470.

Greco, 2020 – Greco M. On the syntax of surprise negation sentences: A case study on expletive negation. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2020. Vol. 38. No. 3. Pp. 775–825.

Gribanova, 2017 – Gribanova V. Head movement and ellipsis in the expression of Russian polarity focus. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2017. Vol. 35. No. 4. Pp. 1079–1121.

Hacquard, 2006 – Hacquard V. Aspects of Modality. PhD dis. MIT. 2006.

Hacquard, 2010 – Hacquard V. On the event relativity of modal auxiliaries. *Natural Language Semantics*. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 79–114.

Haegeman, Zanuttini, 1991 – Haegeman L., Zanuttini R. Negative heads and the Neg criterion. *The Linguistic Review*. 1991. Vol. 8. No. 2-4. Pp. 233–252.

- Haspelmath, 1997 – Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
- Heim, Kratzer, 1998 – Heim I., Kratzer A. Semantics in generative grammar. Oxford, 1998.
- Herburger, 2001 – Herburger E. The negative concord puzzle revisited. *Natural Language Semantics*. 2001. Vol. 9. No. 3. Pp. 289–333.
- Jacobson, 2020 – Jacobson P. Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited. *Natural Language Semantics*. 2020. Vol. 28. No. 2. Pp. 111–140.
- Kholodilova, 2015 – Kholodilova M. Inter-clausal negative concord in Russian. Poster presented at *The Pragmatics of Grammar: Negation and Polarity*. Caen, 19–20 May, 2015.
- Koopman, 2006 – Koopman H. Agreement configurations: In defense of “Spec head”. *Agreement Systems*. C. Boeckx (ed.). John Benjamins Publishing Company, 2006. Pp. 155–199.
- Kuhn, to appear – Kuhn J. The dynamics of negative concord. *Linguistics and Philosophy*. To appear.
- Ladusaw, 1979 – Ladusaw W. Polarity sensitivity as inherent scope relations. PhD dis. University of Texas at Austin. 1979.
- Laka, 1990 – Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. PhD dis. MIT. 1990.
- Laka, 1994 – Laka I. On the syntax of negation. New York; London, 1994.
- Lakoff, 1969 – Lakoff R. Syntactic argument for negative transportation. *Papers from the 5th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. R.I. Binnick, A. Davison, G.M. Green, J.L. Morgan (eds.). Chicago, 1969. Pp. 140–147.
- Lasnik, 1999 – Lasnik H. Chains of arguments. *Working minimalism*. S.D. Epstein, N. Hornstein (eds.). Cambridge, Mass., 1999. Pp. 189–215.
- Letuchiy, 2017 – Letuchiy A. Non-standard negative concord in Russian. Talk presented at *Formal Approaches to Russian Linguistics*. Moscow, 29–31 March, 2017.
- Lucas, 2013 – Lucas C. Negation in the history of Arabic and Afro-Asiatic. *The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean*. Vol. 1: Case Studies. D. Willis, C. Lucas, A. Breitbarth (eds.). Oxford, 2013. Pp. 399–452.
- Merchant, 2001a – Merchant J. The syntax of silence: Sluicing, islands and the theory of ellipsis. Oxford, 2001.
- Merchant, 2001b – Merchant J. Why no(t). Ms. 2001.
- Miestamo, 2005 – Miestamo M. Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Vol. 31 of *Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin, 2005.
- Minor, 2013 – Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian. *NELS 42: Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society*. S. Keine, S. Sloggett (eds.). Oxford, 2013.
- Moscatti, 2006 – Moscatti V. The scope of negation. PhD dis. Università degli Studi di Siena. 2006.
- Moscatti, 2010 – Moscatti V. Negation raising: Logical form and linguistic variation. Newcastle upon Tyne, 2010.
- Nakajima, 2020 – Nakajima Y. Lexical ambiguity & n-words: A perspective from a set theory. *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. A. Van Alem, M. De Sisto, E.J. Kerr, J. Wall (eds.). Leiden, 2020. Pp. 175–185.
- Nathan, 1999 – Nathan L. Either: Negative polarity meets focus sensitivity. Ms. Brown University. 1999.

Neeleman, Vermeulen, 2012 – The syntax of topic, focus, and contrast: An interface-based approach. A. Neeleman, R. Vermeulen (eds.). Vol. 113 of *Studies in Generative Grammar*. Berlin/Boston, 2012.

Paperno, 2015 – Paperno D. An Alternative semantics for negative conjunction in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 23: The First Berkeley Meeting*. M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). Ann Arbor, 2015. Pp. 418–435.

Partee, 2005 – Partee B. Quantification and Interactions with negation. Lecture 8 of *Current Issues in Formal Semantics*, MSU, Moscow, April 2005.

Penka, 2011 – Penka D. *Negative Indefinites*. New York, 2011.

Pesetsky, Torrego, 2007 – Pesetsky D., Torrego E. The syntax of valuation and the interpretability of features. *Phrasal and Clausal Architecture: Syntactic derivation and interpretation*. S. Karimi, V. Samian, W.K. Wilkins (eds.). John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 262–294.

Progovac, 1994 – Progovac L. Positive and negative polarity: A Binding approach. Vol. 68 of *Cambridge Studies in Linguistics*. Cambridge University Press, 1994.

Puskás, 2012 – Puskás G. Licensing double negation in NC and non-NC languages. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. No. 2. Pp. 611–649.

Reeve, 2019 – Reeve M. An agreement-based analysis of extraction from nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2019. Vol. 37. No. 1. Pp. 263–314.

Rezac, 2003 – Rezac M. The fine structure of cyclic agree. *Syntax*. 2003. Vol. 6. No. 2. Pp. 156–182.

Rizzi, 2006 – Rizzi L. On the form of chains: Criterial positions and ECP effects. *WH-Movement: Moving On*. L. Cheng, N. Corver (eds.). Cambridge, MA, 2006. Pp. 97–134.

Romoli, 2013 – Romoli J. A scalar implicature-based approach to Neg-raising. *Linguistics and Philosophy*. 2013. Vol. 36. No. 4. Pp. 291–353.

Rossyaykin, 2020 – Rossyaykin P. Existential modals and negation in Russian: Evidence for universal functional hierarchy. *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. A. Van Alem, M. De Sisto, E.J. Kerr, J. Wall (eds.). Leiden, 2020. Pp. 136–155.

Shimoyama, 2011 – Shimoyama J. Japanese indeterminate negative polarity items and their scope. *Journal of Semantics*. 2011. Vol. 28. No. 4. Pp. 413–450.

Svenonius, 2002 – Svenonius P. Strains of negation in Norwegian. *Working Papers in Scandinavian Syntax*. 2002. Vol. 69. Pp. 121–146.

Szabolcsi, 2018 – Szabolcsi A. Strict and non-strict negative concord in Hungarian: A unified analysis. *Boundaries Crossed, at the Interfaces of Morphosyntax, Phonology, Pragmatics and Semantics*. H. Bartos, M. den Dikken, Z. Bánréti, T. Váradí (eds.). Springer, 2018. Pp. 227–242.

Tiskin, 2017a – Tiskin D. Expletive-free, concord-free semantics for Russian *ni*-words. *Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium*. A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen (eds.). Amsterdam, 2017. Pp. 484–491.

Tiskin, 2017b – Tiskin D. *Ni*: Negative concord μ in Russian. *Rhema*. 2017. No. 4. Pp. 123–137.

Titov, 2012 – Titov E. Encoding focus and contrast in Russian. *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach*. A. Neeleman, R. Vermeulen (eds.). Berlin; Boston, 2012. Pp. 119–156.

van der Auwera, Van Alsenoy, 2016 – van der Auwera J., Van Alsenoy L. On the typology of negative concord. *Studies in Language*. 2016. Vol. 40. No. 3. Pp. 473–512.

- Vikner, 2001 – Vikner S. Verb movement variation in Germanic and optimality theory. PhD dis. University of Tübingen. 2001.
- von Fintel, Iatridou, 2003 – von Fintel K., Iatridou S. Epistemic containment. *Linguistic Inquiry*. 2003. Vol. 34. No. 2. Pp. 173–198.
- Watanabe, 2004 – Watanabe A. The genesis of negative concord: Syntax and morphology of negative doubling. *Linguistic Inquiry*. 2004. Vol. 35. No. 4. Pp. 559–612.
- Wurmbrand, 2014 – Wurmbrand S. The merge condition: A syntactic approach to selection. *Minimalism and Beyond: Radicalizing the interfaces*. P. Kosta, L. Schürcks, S. Franks, T. Radev-Bork (eds.). Amsterdam, 2014. Pp. 130–166.
- Wurmbrand, 2018 – Wurmbrand S. The cost of raising quantifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2018. Vol. 3. No. 1:19. Pp. 1–40.
- Yanovich, 2020 – Yanovich I. Epistemic modality. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier et al. (eds.). John Wiley & Sons, Inc, 2020. Pp. 1–30.
- Yoon, 2011 – Yoon S. ‘Not’ in the mood: The syntax, semantics, and pragmatics of evaluative negation. PhD dis. University of Chicago. 2011.
- Zanuttini, 1989 – Zanuttini R. Two strategies for negation: Evidence from Romance. *Proceedings of ESCOL V*. J. Powers, K. de Jong (eds.). Columbus, OH, 1989. Pp. 535–546.
- Zanuttini, 1991 – Zanuttini R. Syntactic properties of sentential negation. A comparative study of Romance languages. PhD dis. University of Pennsylvania. 1991.
- Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. Utrecht, 2004.
- Zeijlstra, 2008 – Zeijlstra H. Negative concord is syntactic agreement. Ms., Amsterdam. 2008.
- Zeldes, 2013 – Zeldes A. Is modern hebrew standard average European? The view from European. *Linguistic Typology*. 2013. Vol. 17. No. 3. Pp. 439–470.
- Zwarts, 1993 – Zwarts F. Three types of polarity. Ms., Rijksuniversiteit Groningen. 1993. (Also appeared in: Plurality and quantification. F. Hamm, E.W. Hinrichs (eds.). Dordrecht, 1998. Pp. 177–238.)
- Zwarts, 1995 – Zwarts F. Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*. 1995. Vol. 25. Pp. 286–312.

Статья поступила в редакцию 03.04.2021

The article was received on 03.04.2021

Об авторе / About the author

Россяйкин Петр Олегович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Petr O. Rosseyaykin – graduate student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7235-724X>

E-mail: petrossyaykin@gmail.com